

Л. КЭРРОЛЛ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

И

С
Ы

В СТРАНЕ ЧУДЕС

Л

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Л. КЭРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛИСЫ

В СТРАНЕ

Сказка, рассказанная
БОРИСОМ ЗАХОДЕРОМ

Москва „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1977

И (Англ.)
К98

Lewis Carroll
ALICE'S ADVENTURES
IN WONDERLAND
London 1865

Третье издание

Пересказ с английского

Иллюстрации
Г. КАЛИНОВСКОГО

70803—297
К ————— 467—77
М101(03)77

© Пересказ с английского языка. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

Глава
никакая,
из которой

**ТЕМ
НЕ
МЕНЕЕ
МОЖНО**

КАК-ТО

УЗНАТЬ

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА — это просто-напросто... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете!

А не дочитаете — ну что ж, дело ваше. Только тогда — почти наверняка! — не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень, очень не простая.

Начнём с начала, как советует Чёрвонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше: с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес»...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле — разве по названию догадаешься, что речь пойдёт о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Алёнка в Вообразилии». Или «Аля в Удивляндии». Или «Алька в Чепухании». Ну уж, на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне занкнуться об этом своём желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмёл!

Всё горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают про Алису и привыкли к скучноватому названию «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки; но если бы я её так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там её знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя

эта сказка для детей, пожалуй, больше детей любят её взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — учёные!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых «Алису» на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не всё поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу всё поймёте. Ведь всегда можно перечитать непонятное место ещё разок, правда?

Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего. Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно! — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых весёлых книжек на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен — уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно ещё — и это тоже совершенно обязательно! — КОЕ-ЧТО знать.

Потому что, если в голове пусто, увя, самое большое чувство юмора вас не спасёт.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого огромное чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придёт улыбнуться. Любимая его шутка (он сам её придумал) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: «Ах, ба-тюшки мой!» — Андрюшенька и не улыбнётся.

А всё дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать её по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и... и так далее и тому подобное!

Кстати, я не случайно упомянул Ихтиозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например, Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же), Лакен и, наконец, вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронг. Это и не удивительно — вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад!

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может — даже Малый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают?

А мы с художником тоже изо всех сил постарались вам помочь. Советую внимательно рассматривать картинки и очень внимательно читать подписи к ним. Кое-что станет вам понятнее — и вы сразу это заметите, потому что улыбнетесь.

А уж когда вам всё будет совсем понятно, тогда вы, может быть, кое о чём задумаетесь...

Но это, впрочем, не обязательно.

Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто её сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он её или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой!

Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рас-

сказал ей и её сёстрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше весёлой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал, — послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью её звали Алиса Плэзенс Лиддел) — она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком, сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса — как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарльзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!) — прекрасно знала, что он вовсе не такой и всё это неправда!

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мыш — и эта мыш бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет — и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да ещё какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал весёлую игру, которая называется «Цепочка», или «Как сделать из мухи слона»; кто умеет в неё играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ-ГОРЕ-ГОРА. И всё! Можете играть, только не на уроках!)

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьёзные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выдывали!

И ещё он умёл переделывать старые, надоёвшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарльз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И всё это — выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы, — всё это есть в его сказке про девочку Алису...

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чём тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал её не раз и не два — целых двадцать пять лет. Читал я её по-английски; скажу по секрету, что ради неё-то я и выучил английский язык. И чем больше я её перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести её на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал её по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом ещё больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие продёльвали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам ещё получались, но что-то — может быть, самое главное — пропадало, и весёлая, умная, озорная, расчудённая сказка становилась малопонятной и — страшно сказать — скучной.

И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет... *перевезти* Англию!

Да, я был уверен, что всё знаю про «Алису», и уже подумывал — не засёсть ли мне за солидный учёный труд под на-

званием «К вопросу о причинах непереводаемости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссёру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«...Какой же я видел тебя, Алиса, в своём воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней); и ещё — учитывая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом золотом наряде. И ещё — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять её с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, какая даётся лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех — всего лишь слова, пустые звуки, незначающие ниче́го!»

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать — *рассказать о ней по-русски*.

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе — не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и пошмевается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке — и сказке! — такую долгую-долгую, на века, жизнь!

Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу — тогда узнаю!

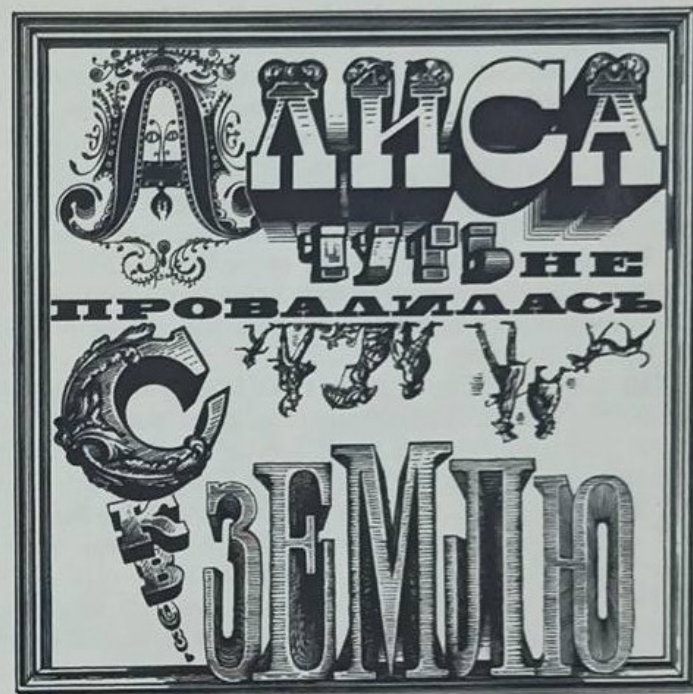
Так и я. Когда я кончил рассказывать «Алису» и получила та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про неё по-настоящему думаю.

А теперь остаётся узнать самое главное — что обо всём этом подумаете вы...

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил своё обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово «Конец», потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях Алиски в Расчудёсии...

Борис Заходёр

**Глава
первая,
в которой**

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелёгкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стишков. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть стишков, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из лёгких — от жары её совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести веночек из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, ещё не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всём этом, она решила, что всё-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что всё идёт как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подпрыгнула!

Ещё бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала!

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норке под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чём подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Норка сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела-полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у неё времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что её ждёт впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что

вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картины и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВА-РЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила её, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да, — сказала себе Алиса, — вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну!

(Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она всё летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила *что-то в этом роде*; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями — ведь, к сожалению, никто её не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно, — продолжала она. — Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, — ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что её никто

не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

— Только мне, пожалуй, там придётся спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась ещё вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но ведь эта тётя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

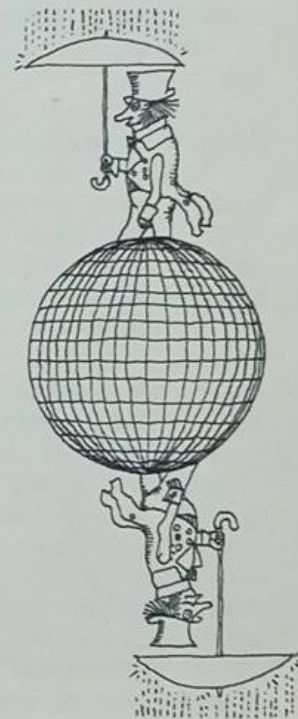
Так как никакого другого занятия у неё не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Динной звали её кошку.) Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живёт на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае, в старину называли) антиподами.

А иногда у неё получалось:
— Скушает мышка летучую кошку?
Или даже так:
— Скушает мышка летучую мошку?
Не всё ли равно, о чём спрашивать, если ответа всё равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

«Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлёпнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чём полёт и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула наверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепётывал во весь дух.

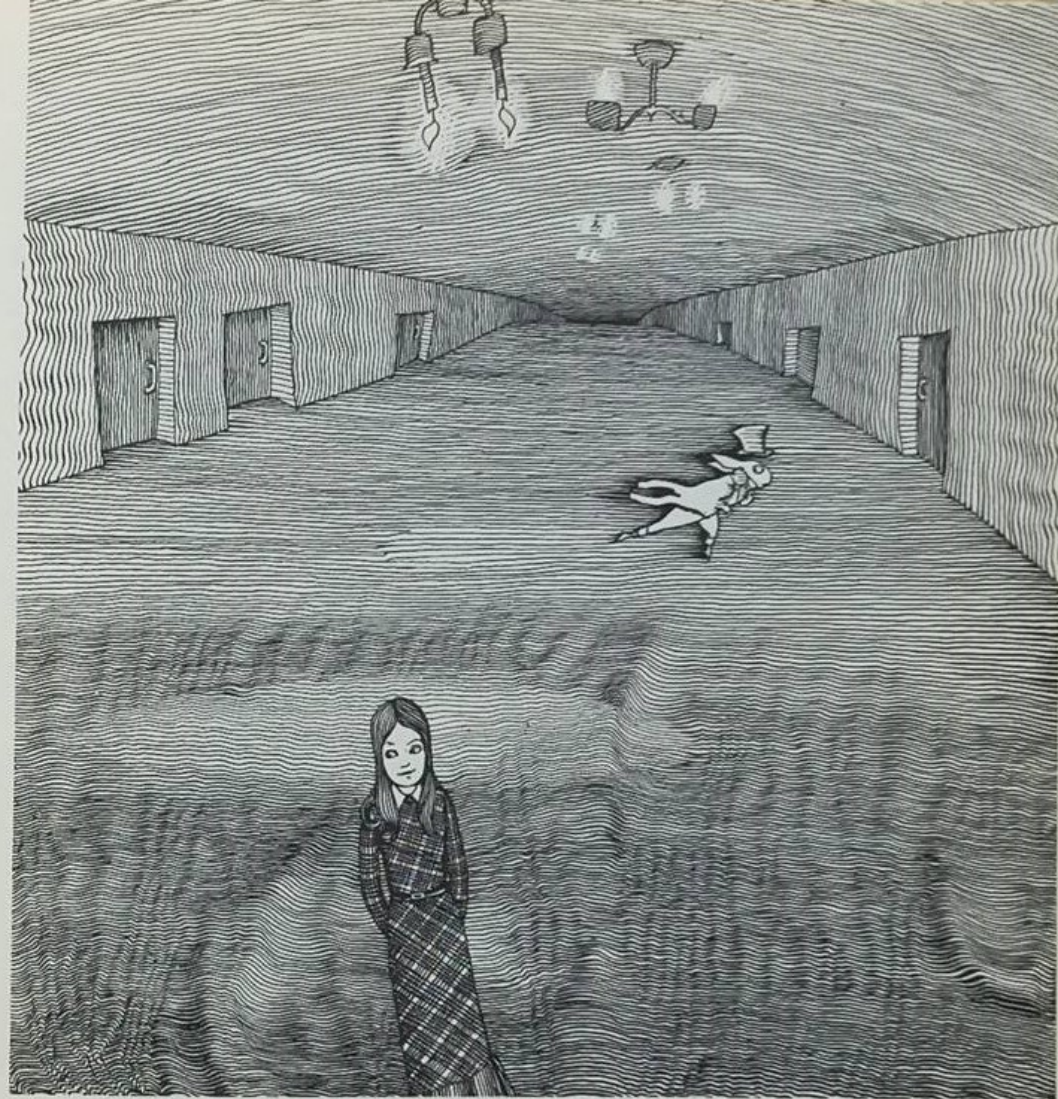
Не теряя времени Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мой! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увь, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались закрыты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя всё подземелье и по нескольку раз подёргав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперёд, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увь! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери.

Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать

высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость, он как раз подошёл!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на колёнки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисины голова. «А если бы и прошла, — подумала бедняжка, — тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная! Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, ещё лучше, как веер, — тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и всё в порядке!» (Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!)

Так или иначе, сидеть перед завёрнутой дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там всё-таки найдётся другой ключ или, на худой конец, книжка: «УЧИТЬСЯ СКЛАДЫВАТЬСЯ!» Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырёк («Ручаюсь, что раньше его тут не было», — подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нём большими буквами было чётко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет, — сказала она, — я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям, — и всё только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь

кажется, так просто запомнить, что, например, раскалённой докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать её в руках слишком долго; что если ОЧЕНЬ глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдёт кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать её содержимое. А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус — точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих грёнков с маслом), она сама не заметила, как пузырёк опустел.

***

— Ой, что же это со мной делается! — сказала Алиса. — Я, наверное, и правда складываюсь, как подзорная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но всё-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться всё меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она. — Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось, — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что всё остаётся прежним, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!
Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол и, наконец, на старавшись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, ещё чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго. — Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слёз; а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну и ладно, съем, — сказала Алиса. — Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану ещё меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я всё равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что её размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять всё пошло как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

**Глава
вторая,
в которой**

— Ой, всё чудесится и чудесится! — закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) — Теперь из меня получается не то что подзорная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того и гляди, совсем пропадут.) Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет

надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой — из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет, — перебила она себя, — не надо с ними ссориться, а то они ещё не станут меня слушаться! Я вас всё равно буду любить, — крикнула она, — а на ёлку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

И она задумалась над тем, как же это устроить.

«Наверное, придётся посылать по почте, — думала она. — Вот там все удивятся! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да ещё по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ

ул. Ковровая Дорожка (с доставкой на пол)
Госпоже Правой Ноге в собственные руки».

— Господи, какую я чепуху болтаю! — воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой о потолок — ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра роста!

Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад.

Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было всё, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

— Как тебе не стыдно так реветь! — сказала она спустя некоторое время. — Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Уймись сию минуту, говорят тебе!

Но слёзы и не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья.

А она ещё не успела хорошенько выплакаться!

Вдруг откуда-то издали послышался быстрый топоток; Алиса поскорее утерла слёзы — должна же она была посмотреть, что там происходит!

Это вновь явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой — пару лайковых бальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придёт в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придёт!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что, когда Кролик подбежал поближе, она робким голоском начала:

— Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

— Ой-ой-ой, — вздохнула она, — ну что же это сегодня за день такой? Всё кувырком! Ведь только вчера всё было как всегда! Ой, а что... а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите... Утром, когда я встала, я была ещё я или не я? Ой, по-моему, мне как будто было не по себе... Но если я стала не я, то тогда самое интересное — кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головоломка!

И Алиса тут же принялась её решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

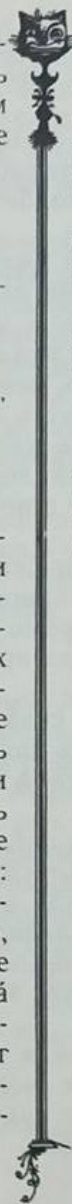
— Конечно, жалко, но я не Ада, — вздохнула она. — У неё такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не выются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она — это она, а я — это наоборот я, значит... Ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, всё я знаю, что знаю, или не всё. Ну-ка: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Ой, мамочка, я так никогда до двадцати не дойду! Ну и ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмём географию. Лондон — это столица Парижа, а Париж — это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем то! Наверно, я всё-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну хоть эти... «Эти! В школу собирайтесь!»

Она сложила ручки, как при-
мерная ученица, и начала читать вслух, но голос её звучал совсем как чужой и слова тоже были не совсем знакомые:

Звери, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь —
Не поможет всё равно!

Громко плачут Зверь и Пташка,
— Караул! — кричит Пчела,
С воём тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела?

Ну вот! Стихи — и те неправильные! — сказала бедняжка Алиса, и глаза её снова наполнились слезами. — Выходит, я всё-таки, наверное, Мэгги; и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придётся, а только всё учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я — Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: «Нет, вы сперва скажите, кто я буду». Если мне захочется им быть, тогда, так и быть, пойду, а если не захочется — останусь тут... пока не стану кем-нибудь ещё... Ой, мамочка, мамочка, — зарыдала вдруг Алиса, — пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Многие (особенно папы и мамы), безусловно, догадались, какие стихотворения хотела прочитать Алиса. Ну, а для тех, кто его забыл (или не знал), вот оно:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь,
Светит солнышко в окно.

Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела.
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

Теперь, я надеюсь, всем понятно, почему Алиса так расстроилась: эти стихи гораздо лучше, а главное, полезнее тех, которые она прочла.

Тут она нечаянно глянула на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не замечая, натянула крошечную перчатку Кролика.

«Как же это я так сумела? — подумала она. — Ой, наверное, я опять буду маленькая!»

Она вскочила и подбежала к столу, чтобы померить, какая она стала.

Вот так так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всем виноват веер — он по-прежнему был у неё в руках, — и поскорее бросила его в стору. А то неизвестно, чем бы это кончилось!

— Ай да я! Чуть-чуть не пропала! — сказала Алиса. Она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть. — А теперь — в сад!

И она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка!

Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе...

— Ну уж это я прямо не знаю, что такое, — всхлинула Алиса. — И ещё я стала прямо дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у неё поехали, и — плюх! — она оказалась по шею в воде. В первую минуту, нечаянно хлебнув солёной водички, она было решила, что упала в море.

— Тогда ничего, я поеду домой в поезде! — обрадовалась она. Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твёрдо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове «море» ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем ряд домов, а уж за ними — обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который получился из тех самых слёз, какие она проливала, когда была великаншей трёх метров ростом.

— Зачем ты столько редела, дурочка! — ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега. — Вот теперь в наказание ещё утонешь в собственных слезах! Да нет, этого не может быть, — испугалась она, — это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь всё ни на что не похоже! Это и называется, по-моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений её отвлек сильный плеск воды. Кто-то бултыхнулся в пруду неподалёку от неё и шлёпал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуть-чуть испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась («Он меня и не заметит», — подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твёрдую почву.

«Заговорить, что ли, с этой Мышью? Может, она мне чем-нибудь поможет? — подумала Алиса. — А уж говорить-то она, наверно, умеет — что тут такого, сегодня и не то бывало! Заговорю с ней — попытка не пытка».

И она заговорила:

— О Мышь!

Вас, наверно, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что, не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать (или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что её брат как-то забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совершенно случайно) — и представляете, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Прямо так и было написано:

Именительный: кто? — Мышь.

Родительный: кого? — Мыши.

Дательный: кому? — Мыши.

.....

А в конце:

Звательный: — О Мышь!

Если вы, как и Алиса, тоже не особенно ясно помните, «когда что случилось», внимательно рассмотрите картинку и не огорчайтесь. (А мышь в кольчуге художник, по-моему, нарисовал по ошибке!)

Какие могли быть после этого сомнения?

— О Мышь! — сказала Алиса. — Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь!

Мышь взглянула на неё с любопытством и даже, показавшись Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

«Наверное, она не понимает нашему, — подумала Алиса. — А-а, я догадалась: это, наверно, французская мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя!»

(Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть, что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось.)

По-французски Алиса знала из всего учебника твёрдо только первую фразу и решила пустить её в ход.

— Où est ma chatte? — сказала она.

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом.

И не удивительно, ведь Алиса сказала: «Где моя кошка?»

— Ой, простите! — поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку. — Я просто как-то не подумала, что ведь вы не любите кошек.

— «Не любите кошек!» — передразнила Мышь пронзительным голосом. — А ты бы их любила на моём месте?

— Наверное, наверное, нет, — примирительным тоном сказала Алиса. — Вы только не сердитесь! А всё-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы её только увидите, вы сразу полюбите кошечек! Она такая ласковая, милая кисонька, — продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши, — и она так приятно мурлычет у камня, и так хорошо умывается — и лапки, и мордочку мбет; и она так уютно сидит на руках, и она вся такая мягонькая, пушистая — одно удовольствие, и она так здорово ловит мышёй... Ой, простите меня, пожалуйста! — опять закричала Алиса, потому что Мышь вся ошети-нилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена Алисиной бестактностью до глубины души. — Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно, — смущённо пролепетала Алиса.

— Говорить? — с негодованием пискнула Мышь, дрожа от самого кончика хвоста. — Стала бы я говорить о таком неприличном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прошу вас — больше ни слова!

— Не буду, не буду, — торопливо уверяла её Алиса. — А вы... а вы любите... любите... собачек? — нашла она наконец.

Мышь не отвечала. Алиса сочла её молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

— Вот и хорошо! Как раз около нас живёт чудный пёсик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьерчик, глазки блестят, а шерстка — просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьётся! И он умеет подавать понёску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не всё помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался — такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы... О господи, — сокрушённо перебила себя Алиса, — какая я бестактная девочка!

Несча́стная Мышь тем вре́менем уплы́вала от сво́ей собе-
се́дницы что е́сть ду́ху — то́лько во́лны шли круго́м.

— Мыше́нька, ми́лая, хоро́шая, верни́тесь! — уми́льным
го́лосом закрича́ла Али́са. — Че́стное-прече́стное, бо́льше ни
сло́ва не скажу́ ни про Кы, ни про Сы!

Услы́хав э́то обеща́ние, Мышь поверну́ла и ме́ленно по-
плыла́ о́брáтно: мо́рдо́чка у не́е бы́ла дово́льно бле́дная («На-
ве́рное, о́чень се́рдится», — подумала Али́са).

— Вы́йдем на су́шу, дитя́, — сказа́ла Мышь е́ле слы́ш-
ным, дрожа́щим го́лосом, — и я расскажу́ тебе́ мою́ исто́рию.
Тогда́ ты пойме́шь, поче́му я ненави́жу как Тех, так и Этих.

И в са́мом де́ле да́вно бы́ло порá вылеза́ть из водо́й: в пру-
ду́ подня́лась насто́ящая толкотня́ — сто́лько туда́ свали́лось
ра́зных птиц и зве́рей. Среди́ них оказа́лись: Утка и Попуга́й,
Стре́ляный Воро́бей и Орле́нок Цып-Цып, и да́же вы́мершая
пти́ца Додо́, он же Ископа́емый Дронт. И ко́го там е́ще то́ль-
ко не́ было!

Али́са поплы́ла пе́рвой; оста́льные потяну́лись за не́й, и
вско́ре вся компа́ния вы́лезла на бе́рег.

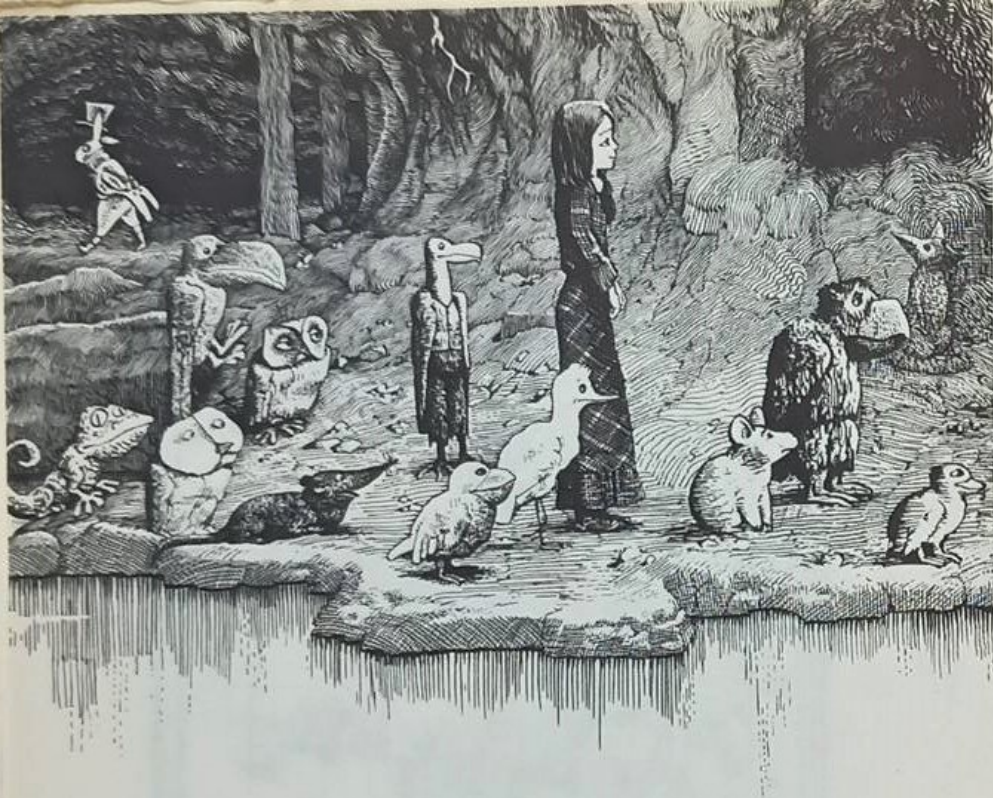
Глава
третья,
в кото́рой

Дово́льно-таки жа́лкий вид был у общества, собра́вшегося
на бере́гу: мо́крые пе́рышки птиц так и топо́рщились, мо́крый
мех зве́рюшек так и прилипа́л, вода́ текла́ ручья́ми как с тех,
так и с други́х, и все бы́ли се́рдитые и несча́стные.

Пе́рвым де́лом, разуме́ется, на́до бы́ло придума́ть, как
ско́рее обсуши́ться; посы́пались ра́зные предложе́ния, и не

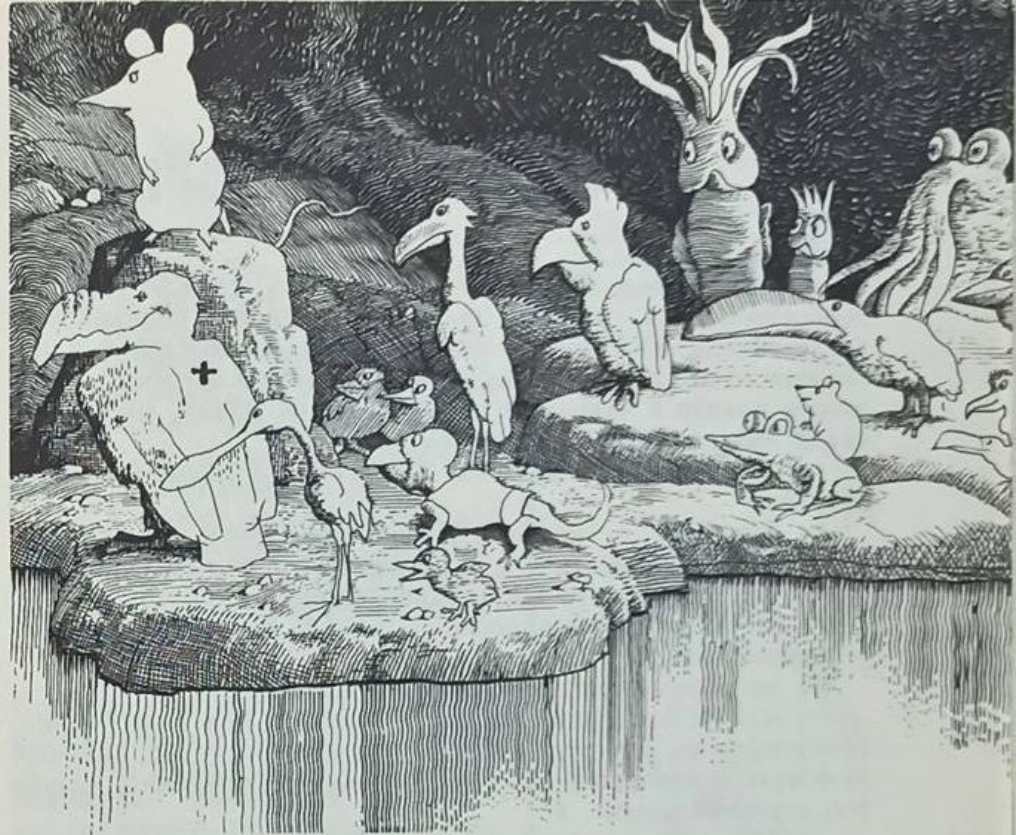

Крестиком художник пометил птицу Додо, и, мне кажется, зря — её и так легко узнать, даже если вы её никогда не видели. Между прочим: ДОДО — так называли иногда (конечно, только очень близкие друзья) самого автора «Алисы». Он немного заикался и произносил свою фамилию так: До-До-Доджсон!

прошло и пяти минут, как Алиса разговорилась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьёзно поспорила с Попугаем, который немедленно надулся и упорно повторял одно и то же:

— Я старше тебя, значит, я всё лучше знаю!

Алиса этого, понятно, так не оставила и потребовала, чтобы он

сказал, сколько ему лет, но Попугай категорически отказался. Ну что ж, всё стало ясно без слов!..

В конце концов Мышь — по-видимому, в этой компании она пользовалась большим уважением — закричала:

— А ну-ка все садитесь и слушайте меня! Сейчас вы у меня будете сухонькие!

Все послушно уселись вокруг неё и приготовились слушать. Алиса — та особенно наострила ушки: она была уверена, что если не просохнет очень скоро, то непременно схватит ужасный насморк.

— Эххем! — торжественно прокашлялась Мышь. — Ну,

я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории!

И она начала:

— «Вильгельм Завоеватель, чью руку держал римский первосвященник, вскоре привёл к полному повиновению англо-саксов, каковые не имели достойных вождей и в последние годы слишком привыкли равнодушно встречать узурпацию власти и захваты чужих владений. Эдвин, граф Мёрсии и Мёркар, эрл Нортумбрии...»

— Бррррр! — откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.

— Простите, — сказала Мышь нахмурясь, но с подчеркнутой вежливостью, — вы, кажется, о чём-то спросили?

— Я? Что вы, что вы! — запротестовал Попугай.

— Значит, мне показало, — сказала Мышь. — Позвольте продолжать?

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— «... Эдвин, граф Мёрсии и Мёркар, эрл Нортумбрии, присягнули на верность чужеземцу и даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберийский, нашёл это достохвальным...»

— Что, что он нашёл? — неожиданно заинтересовалась Утка.

— Нашёл это, — с раздражением ответила Мышь. — Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу, — невозмутимо ответила Утка. — Обычно это — лягушка или червяк. Вот я и спрашиваю: что именно нашёл архиепископ?

Мышь, не удостоив Утку ответом, торопливо продолжала:

— «... хвальным; он же сопутствовал Эдгару Ателингу, отправившемуся к завоевателю, дабы предложить ему корону Англии. Поначалу действия Вильгельма отличались умеренностью, однако разнужданностью его норманнов...»

— Ну как твои делишки, дорогая, — неожиданно обратилась она к Алисе, — сохнешь?

— Мокну! — безнадежно ответила Алиса. — Что-то на меня это совсем не действует!

— В таком случае, — торжественно произнёс Дронт (он же Додó), поднимаясь на ноги, — вношу предложение: немедленно распустить митинг и принять энергичные меры с целью скорейшего...

— А может, хватит на сегодня тарабарщины? — перебил его Орлёнок Цып-Цып. — Я и половины этой абракадабры не понимаю, да и ты сам, по-моему, тоже!

Кое-кто из птиц захихикал, а Орлёнок деликатно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

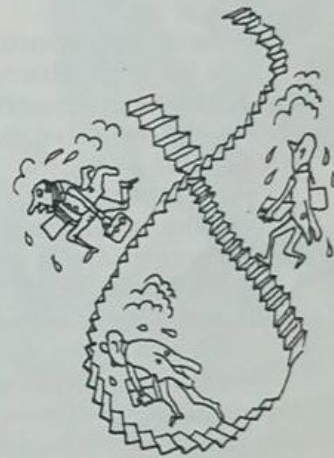
— Я только хотел сказать, — обиженно проговорил Дронт, — что в нашем положении лучшее средство просохнуть — это, конечно, устроить Кросс по Инстанциям.

— А что это такое — Кросс по Инстанциям? — спросила Алиса. Не то чтобы её это очень заинтересовало — просто она, по своей доброте, не могла не выручить Дронта: он явно ждал, что его засыпят вопросами, а все присутствующие туго молчали...

— Ну, — радостно откликнулся Дронт, — лучший способ объяснить — это самому сделать!

Так как вам, может быть, тоже

Конечно, Дронт всё напутал: надо говорить «дистанция». И, по-моему, как ни бегай — на дистанцию или по инстанциям, — скорее взмохнешь, чем просохнешь!

захочется попробовать в морозный денёк, что это за штука Кросс по Инстанциям, я расскажу, что Дронт сделал.

Прежде всего он, как он выразился, «разметил инстанцию» — то есть нарисовал на земле круг (не очень ровный, но «точность тут не обязательна», сказал Дронт).

Далее он расставил всех присутствующих по этому кругу (строго как попало).

А потом...

Вы, наверное, думаете: скомандовал «раз-два-три — марш!».

Ничего подобного!

Все начали бегать когда кому захотелось, и бежали кто куда хотел, и останавливались когда кто пожелает.

Не так-то легко было определить, когда соревнования закончились!

Но Дронта эти трудности не смущали. Примерно через полчаса, когда все вволю набегались и как следует прохли и согрелись, он вдруг подал команду:

— Финиш! Стоп! Соревнования закончены!

И все, запыхавшись, окружили его и стали допытываться:

— А кто же победил?

Чтобы ответить на этот вопрос, даже Дронту пришлось хорошенько подумать. Он долго стоял неподвижно, приставив палец ко лбу (в такой позе нередко изображают на картинках великих людей — например, Шекспира), и все затаив дыхание ждали.

Наконец Дронт сказал:

— Победили все! И все получают призы, — добавил он.

— А кто же будет выдавать призы? — спросили его хором (и хором довольно дружным).

— Что за вопрос! Конечно, ОНА, — ответил Дронт, показав пальцем на Алису.

И тут всё общество сразу окружило её, и все наперебой закричали:

— Призы! Где призы? Давай призы!

Бедная Алиса не знала, что ей делать; в растерянности она сунула руку в кармашек и вытащила оттуда коробочку

цукатов. (Солёная вода, по счастью, туда не попала.) Она стала раздавать конфеты всем участникам соревнований, и как раз хватило на всех, кроме самой Алисы...

— Как же так? — с упреком сказала Мышь. — Ты тоже должна получить приз!

— Сейчас уладим! — внушительным тоном произнёс Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: — У тебя ещё что-нибудь осталось в кармане?

— Ничего. Только напёрсток, — грустно ответила Алиса.

— Превосходно! Передай его мне, — потребовал Дронт.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей наперсток и торжественно произнёс:

— Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду — этот почётный наперсток!

Когда он закончил свою краткую речь, все захлопали и закричали «ура».

Как вы догадываетесь, во время этой церемонии Алису ужасно разбирал смех, но у всех остальных был такой торжественный и серьёзный вид, что она сдержалась. Что полагается отвечать на такие речи, она не знала, и потому просто поклонилась и приняла от Дронта наперсток, изо всех сил стараясь сохранить серьёзное выражение лица.

Теперь все с чистой совестью принялись за сладкое. Тут не обошлось без писка, визга и мелких происшествий; некоторые птицы покрупней громко жаловались, что не успели даже толком распробовать, а кое-кто из мелюзги второпях поперхнулся, их пришлось похлопать по спинке.

Наконец и с угощением было покончено. Все опять уселись вокруг Мыши и стали её просить рассказать ещё что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне вашу историю, помните? — сказала Алиса. — И почему вы так не любите — Кы и Сы, — добавила она шёпотом, опасаясь, как бы опять не расстробить Мышь.

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

— Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! — сказала она.

— Истории с хвостиком? — удивлённо переспросила Алиса, с интересом поглядывая на мышкин хвостик. — А что с ним случилось страшного? По-моему, он совершенно цел — вон он какой длинный!

И пока Мышь рассказывала, Алиса всё думала про мышиный хвостик, так что в её воображении рисовалась приблизительно вот такая картина:

Кот сказал бедной мышке: — Знаю я понаслышке, что у вас очень тонкий, изысканный вкус, а живёте вы в норке и глодаете корки. Так ведь вкус ваш испортиться может, боюсь!

Хоть мы с вами, соседка, встречаемся редко, ваш визит я бы счёл за особую честь! Приходите к обеду в ближайшую среду! В нашем доме умеют со вкусом поесть! .....

Но в столовой у кошки даже хлеба ни крошки...

Кот сказал: — Пустяки! Не волнуйтесь, мадам! Наше дело всего — раз, два, три, и готово — не успеете пикнуть, как на столе я подам!

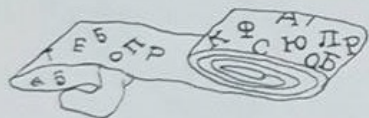

До чего хитрый кот! Обратите внимание: он сказал, что только понаслышке знает, какой вкус у мышки. Как будто он никогда и не попробовал ни одной мышки!

Мышь говорит про ту нить, из которых состоит ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ (что это такое, я и сам толком не знаю!). Вообще впервые встречаю таких образованных и обидчивых мышей! И уж совсем непонятно, почему она считает свой собственный хвостик посторонним предметом!

— Ты не слушаешь, — ни с того ни с сего сердито взвизгнула Мышь, — отвлекáешься посторонними предметами и не следишь за ходом повествования!

— Простите, я слежy, слежy за ним, — смиренно сказала Алиса, — по-мóему, вы остановились... на пятом повороте.

— Спасибо! — ещё громче записала Мышь, — вот я по твоей милости потеряла нить!

— Потеряла нить? Она, наверно, в траву упала! — откликнулась Алиса, всегда готовая помочь. — Позвольте, я её найду!..

— Ты и так себе слишком много позволяешь! — пискнула Мышь. Она встала и решительно двинулась прочь, бормоча себе под нос: — Вот и мечи бисер перед свиньями! После того, что я рассказала, слушать такие глупости! Очень обидно!

— Да я не нарочно! — взмолилась Алиса. — Вы какая-то очень обидчивая!

Мышь в ответ только что-то проворчала.

— Не уходите, пожалуйста, и доскажите свой рассказ! — крикнула Алиса ей вслед, и все остальные хором поддержали её:

— Пожалуйста, доскажите!

Но Мышь только досадливо затрясла головой и ускорила шаг.

— Ах, как жалко-жалко, что она ушла, — сказал Попугай, дождаввшись, пока Мышь окончательно скрбется из виду.

А какая-то старая Каракатица назидательно сказала своей дочери:

— Пусть это послужит тебе серьёзным уроком, дорогая! Видишь, как важно всегда владеть собой!

На что молодая Каракатица не без раздражения ответила:

— Помолчали бы лучше, мамаша! Вы и устрицу выведете из себя!

— Вот уж когда жаль, что Диночки тут нет! — сказала Алиса громко, хотя и не обращая ни к кому в отдельности. — Она бы её живо сюда притащила.

— Кто эта Диночка, позвольте полюбопытствовать? — осведомился Попугай.

На это Алиса, естественно, откликнулась очень горячо — она всегда была рада случаю поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да ещё как! Только увидит пташку — и готово дело!

Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль.

— Я непростительно тут засиделась, — объяснила она, — вечерняя сырость для моего горла — просто яд! Верная анги́на. Домой, домой!

Канарейка дрожащим голосом созывала своих детишек:

— Скорей, скорей домой, мой крошечки! Вам давно пора в постельку!

Словом, очень скоро все под разными предлогами разлетелось кто куда, и Алиса осталась в одиночестве.

«И зачем я только вспомнила про Диночку, — грустно думала она. — Никому-то она тут не нравится, а ведь она та-

кая хорошая кошечка, лучше её нет на свете! Диночка ты моя дорогая, неужели я тебя вообще больше никогда не увижу!

Тут Алиса снова было заплакала — уж очень ей стало печально и одиноко, — как вдруг невдалеке снова послышался чей-то лёгкий топоток. Она радостно подняла глаза — а вдруг это Мышь передумала и всё-таки вернулась, чтобы досказать свою историю.

**Глава
четвёртая,
в которой**

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать себе под нос:

— И ещё эта Герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Велит она меня казнить, нет на неё пропаста! И где только я их мог обронить?

Алиса сразу сообразила, что он ищет веер и бальные перчатки, и, как девочка *очень* добрая, немедленно тоже принялась за поиски.

Но ни веера, ни перчаток нигде не было видно, да, пожалуй, и искать их было бесполезно: всё вокруг совершенно переменялось с тех пор, как Алиса купалась в слезах, и всё громадное подземелье, где стоял стеклянный столик и была заветная дверца, исчезло без следа, словно его никогда и не было.

Кролик вскоре заметил Алису, вертёвшуюся поблизости, и сердито окликнул её.

— Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? — крикнул он. — Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну пошевеливайся!

И он повелительно махнул лапкой, показывая, куда бежать.

Алиса была так ошеломлена, что со всех ног кинулась исполнять приказание, даже не попытавшись объяснить Кролику, что он обознался.

«Он, наверное, принял меня за свою прислугу, — мелькало у неё в голове на бегу. — Вот удивится, когда увидит, как он ошибся! Но я уж, так и быть, лучше принесу ему перчатки с веером. Только вот где их найти?»

А перед ней уже стоял хорошенький маленький домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка с выгравированным именем владельца:

Б. КРОЛИК

Алиса вошла в дом не постучав и бегом пробежала наверх, в парадные комнаты.

Понимаете, эта добросовестная девочка очень боялась, что встретит настоящую Мэри-Энн и та выставит её из дому, прежде чем Алиса выполнит поручение!

«Хотя вообще-то немного странно, как это я оказалась на побегушках у Кролика! — подумала она. — Чего доброго, ещё Динка начнёт мной командовать!»

И она сразу представила себе такую сцену:
«Мисс Алиса! Идите скорей, пора собираться на прогулку!»

«Не могу, нянечка! Диночка велели мне посторожить мы-

шиную норку, пока они не вернутся, а то как бы мышь не убежала!»

— Только как бы Динку из дому не выгнали, — перебила себя Алиса, — если она попробует так командовать!

Тем временем она оказалась в чистенькой комнате, где у окна стоял трельяж, а на нём, как Алиса и надеялась, лежал веер и две-три пары бальных перчаток.

Алиса взяла веер и перчатки и собиралась уже идти, как вдруг заметила на подзеркальнике какой-то пузырёк.

На этот раз на нём не было ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Тем не менее Алиса смело взяла пробу и поднесла пузырёк к губам.

«Я уж знаю: стоит мне что-нибудь съесть или выпить, — думала она, — обязательно случится что-нибудь интересное. Сейчас мы и эту бутылочку проверим! Хорошо бы, она подействовала и я опять стала большая, а то прямо надоело быть такой козявкой!» Пузырёк подействовал, и ещё как! Не успела Алиса выпить и половины, как упёрлась головой в потолок, и ей пришлось сильно наклониться, чтобы не сломать себе шею. Она поскорее поставила его обратно, приговаривая:

— Ой-ой, хватит, хватит! Ой, неужели я не перестану расти, я и так уже в дверь не пройду! И зачем я столько выпила? Надо было только капельку!

Увы, мысли были совершенно правильные, но несколько запоздалые: Алиса всё росла и росла!

Очень скоро ей пришлось встать на колени, а спустя минуту оказалось, что и этого мало; бедняжка попробовала лечь на пол, упёршись локтем одной руки в дверь, а другую руку положив за голову. Но скоро ей опять стало не хватать места — она всё продолжала расти. Тогда она попробовала последнее средство: руку высунула в окно, а одну ногу поместила в камине.

«Всё! — подумала она в отчаянии. — Больше ничего не поделаешь, будь что будет!»

К счастью, на этом действие волшебного напитка прекратилось — расти Алиса перестала.

Но она и без того была в незавидном положении: ей было тесно, неудобно и, главное, не было никакой надежды выбраться на волю. Не мудрено, что Алиса на минутку повесила нос.

«Насколько лучше было дома, — думала бедная девочка, — там, по крайней мере, человек знал, какого он будет роста через пять минут! А тут!.. То ты большая, то ты маленькая, и всякие мыши и кролики помыкают тобой как хотят! Нет, наверное, зря я ползла в эту кроличью нору. Хотя... хотя... нет, всё-таки тут довольно-таки интересная жизнь! Самое интересное — как это всё вдруг могло случиться со мной? Ведь раньше, когда я читала сказки, я думала, на самом деле таких вещей никогда не бывает, а тут, пожалуйста, сама попала в самую настоящую сказку! Обязательно надо написать про меня книжку, вот что! Когда я буду большая, я сама...» — И тут Алиса загнулась.

— Да ведь я и так большая, — грустно сказала она, — а уж в этой-то комнате мне больше никак не вырасти!

«А вдруг я и правда больше не буду расти? — думала Алиса. — Значит, я и старше не стану! Пожалуй, это неплохо: никогда не стану старушкой! Да, но ведь тогда мне придётся всю жизнь учить уроки. Нет уж, спасибо!..»

— Ну и дуручка же ты, моя дорогая, — вновь перебила она сама себя. — Какие тебе ещё тут уроки! Ты сама-то эле-эле помещаешься, а куда ты денешь книжки и тетрадки?

Она продолжала всё в том же духе, изображая то одного, то другого собеседника, и беседа уже неплохо налаживалась, как вдруг со двора до неё донёсся чей-то крик. Алиса замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал знакомый голос. — Сию минуту неси перчатки!

И тут на лестнице послышался лёгкий, быстрый топоток. Алиса сразу догадалась, что это Кролик бежит её искать, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном, — она совершенно забыла, что ведь сейчас она, пожалуй, в тысячу раз больше Кролика и, значит, ей совершенно нечего его бояться.

Кролик был уже у дверей; он попытался войти, но дверь

открывалась внутрь и Алиса крепко упёрлась в неё локтем, так что все старания его были бесполезны.

— Ну что ж, тогда найду с той стороны и попробую влезть в окно, — пробормотал он себе под нос.

«Как бы не так!» — подумала Алиса и приготовилась. Когда, по её расчётам, Кролик как раз добрался до карниза, она внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась его схватить; схватить она ничего не схватила, но тем не менее за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла. (Алиса подумала, что Кролик, видно, угодил в парник с огурцами, теплицу или что-нибудь в этом роде.)

Затем раздался яростный вопль:

— Пат! Пат! Куда ты там запропастился?

(Это кричал Кролик.)

Ему ответил голос, которого Алиса ещё не слышала:

— Стало быть, тут я, ваше вашество! Яблоньки окапываю!

— «Яблоньки окапываю!» — сердито передразнил Кролик. — Нашёл занятие! Иди-ка лучше помоги мне выбраться отсюда!

(Снова послышался звон битого стекла.)

— А теперь скажи мне, Пат, что это там такое торчит в окне?

— Стало быть, ручка, вашество! (Слово «ручка» Пат произносил именно так — «ручка».)

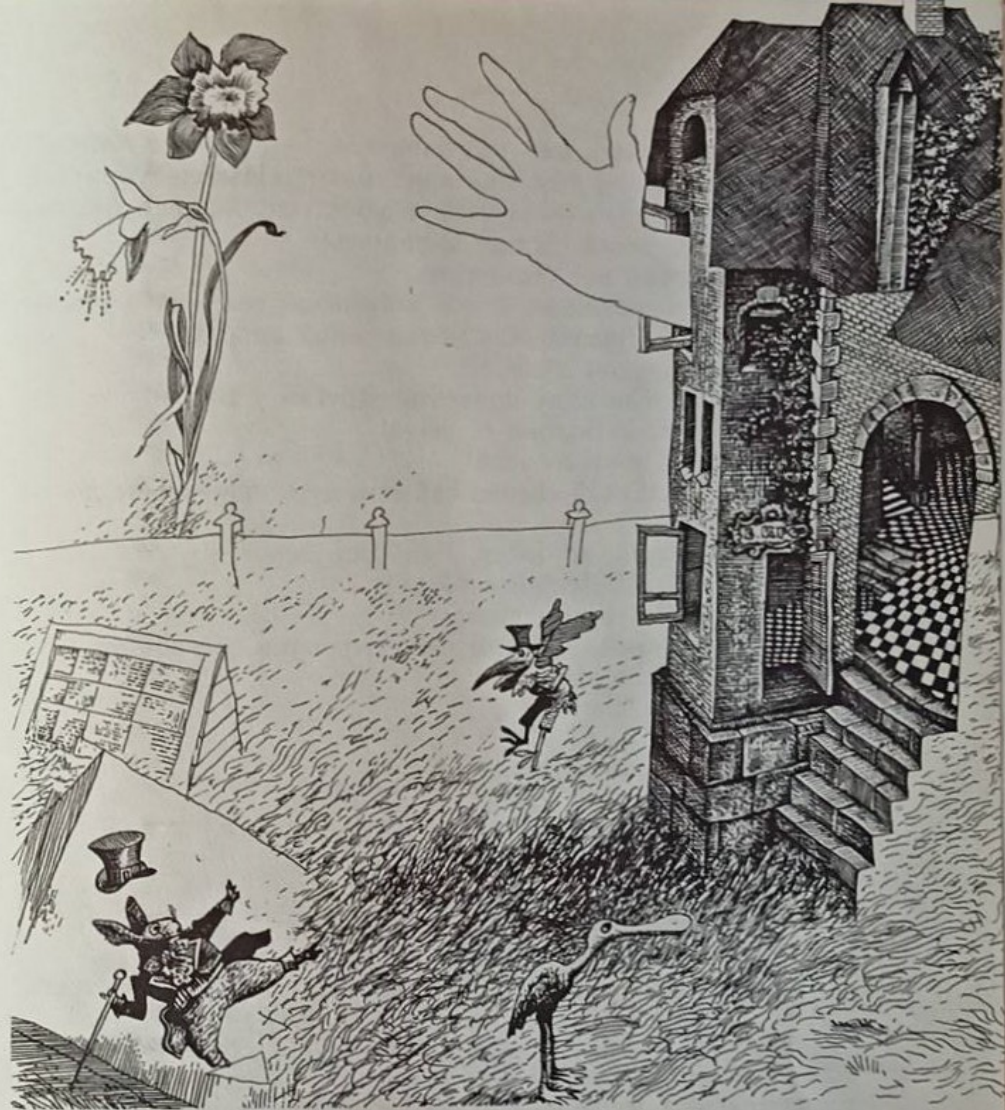
— «Ручка», осёл! Ничего себе ручка! Еле в окно пролезла!

— Стало быть, так-то оно так, вашество, а только это ручка, напротив правды не погрёшь!

— Ну ладно, пусть ручка, только ей там не место! Изволь убрать её оттуда!

Наступила долгая пауза. Собеседники, как видно, говорили еле слышным шепотом, и лишь изредка Алисе удавалось расслышать отдельные выражения.

— Стало быть, не лежит у меня душа к этому делу, вашество. Никак не лежит. Ну никак!

— Делай, что приказано, трус несчастный!
Наконец Алиса, не выдержав, опять наудачу цапнула рукой.

На этот раз запищали двое, и стекла сыпались гораздо

дольше. «Ну и много же у них парников, — подумала Алиса. — Интересно, что они там ещё придумают! «Изволь убраться её оттуда!» Я бы рада была отсюда убраться! Хорошо бы, они правда смогли меня отсюда вытащить!»

Долгое время всё было тихо.

И вот заскрипели колёсики маленькой тележки и послышались голоса. Загомонила целая толпа народу:

— А где другая лестница?

— Мне велели одну привезти! Другая у Билля!

— Эй, Билль! Волоки её сюда!

— Становь с этого угла!

— Постой, давай сперва свяжем, а то нипочём не достанешь!

— Достанешь, не бойся. Куда они денутся!

— Эй, Билль! Держи верёвку!

— А крыша-то выдержит?

— Осторожней, вы! Там одна черепица еле живая!

— Ой, падает, падает!

— Головы береги!

(Треск и грохот.)

— Ну, кто это устроил?

— Билль, кто же ещё!

— А в трубу-то кто ползёт? Ты, что ли?

— Ещё чего! Сам лезь!

— Нашёл дурака!

— Ползёт Билль.

— Билль, тебе придётся!

— Эй, Билль, слышал? Хозяин тебе велит лезть в трубу!

— Давай уж, брат!

«Бедный Билль, — сказала Алиса про себя. — И в трубу тоже ему лезть. Всё на него сваливают! Нет, я бы с ним не поменялась! У меня положение безвыходное, но я хоть брыкаться могу!»

Она просунула ногу подальше в дымоход и подождала, пока не услышала, что какое-то маленькое существо (какое именно, она не могла понять) шуршит и скребётся в трубе.

— Вот и Билль пожаловал, — сказала она, как следует наподдала ногой и снова стала ждать, что будет дальше.

Дальше сначала раздался общий крик:

— Эй, Билль летит! Летит!

Потом голос Кролика:

— Кто там у забора! Ловите его!

Потом наступила недолгая тишина.

А потом вновь посыпались восклицания:

— Поддержи ему голову!

— Выпить дайте!

— Осторожней, как бы он не захлебнулся!

— Ну как ты, старина?

— Что там стряслось?

— Выкладывай всё начистоту, не стесняйся!

Наконец слабенький пискливый голосок («Это и есть Билль», — сообразила Алиса) произнёс:

— Ох, и сам не пойму... Нет, благодарствуйте, будет с меня!.. Маленько полёгче... Только в голове туман стоит... Ничего-то я не разобрал: ка-аа-аак оно шандарахнет меня, так я и полетел оттуда турманом!

— Верно говоришь, старина!

— Правда чистая!

— Всё как есть! — поддержал его дружный хор.

— Придётся сжечь дом, — прозвучал деловитый голос Кролика, и Алиса закричала изо всех сил:

— Только попробуйте! Я на вас Динку напущу!

Немедленно воцарилась мертвая тишина.

«Ну что они ещё придумают? Будь у них хоть капля ума, они бы сняли крышу», — думала Алиса.

Через несколько минут снаружи вновь поднялась какая-то возня, и Алиса расслышала слова Кролика:

— Для начала тачки хватят! Только полнее насыпайте.

«Тачки чего?» — взволновалась Алиса.

Но ей недолго пришлось гадать — в ту же минуту в окошко градом полетели мелкие камешки и несколько штук попало ей прямо в лицо. «Это уже никуда не годится», — подумала Алиса.

— Только попробуйте ещё — я вам покажу! — крикнула она в окно, и снова наступила мёртвая тишина.

И тут Алиса с удивлением заметила, что камешки на полу все превратились в печенье, и её осенила блестящая мысль.

«Если я съем хоть одну штучку, — подумала она, — я, наверное, сразу или вырасту, или наоборот. Но ведь расти-то мне дальше уже некуда, — значит, будет наоборот. Попробую!»

Она сначала попробовала, а потом просто проглотила печенье. И пришла в восторг — особенно когда заметила, что сразу начала уменьшаться!

Как только Алиса стала такая маленькая, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому. На дворе собралась целая толпа мелких животных и птиц. Все толпились вокруг пострадавшего Билля. Билль — маленький тритон — лежал на травке; одна морская свинка поддерживала ему голову, другая чем-то поила его из бутылки.

Заметив Алису, все они было кинулись к ней, но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу.

— Теперь первое, что нужно сделать, — говорила себе Алиса, уходя всё глубже в чащу по лесной тропинке, — это стать, какая я всегда была. А второе, что нужно сделать, — это найти дорогу в тот чудесный садик. Вот и всё. Это будет самый лучший план!

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

Алиса озабоченно оглядывалась, разыскивая хоть какой-нибудь просвет в лесной чаще, и вдруг над самым ухом у неё кто-то громко тьякнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Колоссальнейший лохматый щенок смотрел на неё сверху вниз большущими круглыми глазами, нерешительно пытаясь потрогать её лапкой (вернее, лапищей).

— Ах ты мой маленький, ах ты мой бедненький... — умильно заговорила Алиса со щенком. Она даже попыталась посвистеть ему, но свист никак не хотел получаться:

бедняжка так дрожала от страха, что и губы у неё тряслись. В голове у неё вертелось одно и то же: «Вдруг щенок голодный, тогда он свободно сможет меня съесть, подлизывайся не подлизывайся!»

Как ни странно, Червяк действительно курит кальян — это такая трубка для курения табака, только дым там пропускают через хуви́нчик с водой. Зачем это делают, неизвестно. По правде говоря, вообще никому не известно, зачем Червяку (а тем более человеку!) курить...

Плохо соображая, что она делает, Алиса подобрала на земле какую-то палочку и протянула её щенку.

Щенок в ответ радостно завизжал, от восторга подпрыгнул, как мячик, а затем набросился на палочку и начал с ней отчаянно сражаться. Алиса тем временем юркнула за большой куст чертополоха, опасаясь, как бы щенок на неё не наступил.

Когда она решилась выглянуть из-за куста, щенок как раз предпринял новое наступление на палочку, но немного поторопился и полетел вверх тормашками. «Да, — подумала Алиса, — это всё равно что с лошадью в салочки играть — того и гляди, задавит!»

Она снова забежала за куст. Щенок в это время начал серию энергичных атак на палочку, для чего он каждый раз *очень далеко* отбегал назад и делал *очень короткий* бросок вперед и при этом лаял не закрывая рта; наконец он, совершенно умаявшись, уселся на почтительном расстоянии от палки, свесив язык и зажмурив глазки.

Это был самый подходящий момент, чтобы улизнуть. Алиса не стала терять времени и кинулась наутёк; она бежала и бежала, пока не запыхалась окончательно, а главное, пока лай щенка не затих в отдалении...

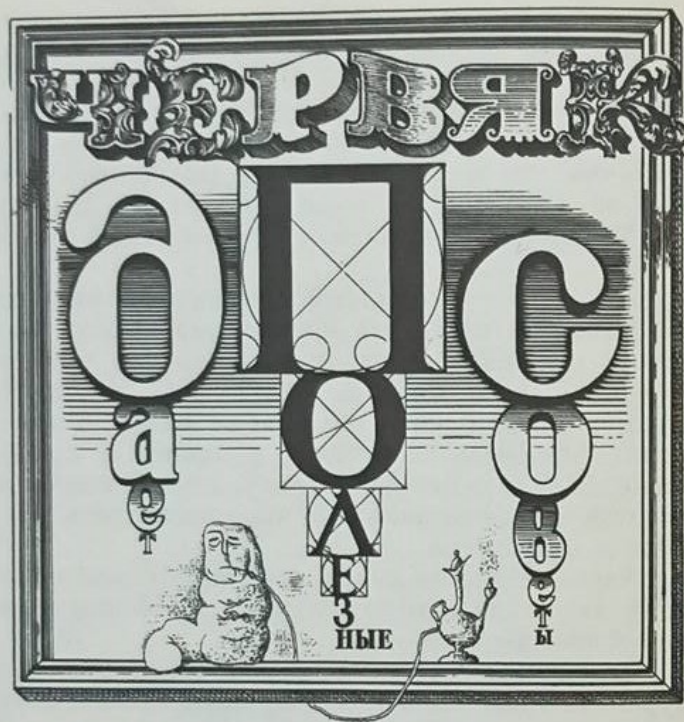
— А всё-таки какой прелестный был щеночек! — сказала Алиса, обмахиваясь листком лютика, к стеблю которого она прислонилась, чтобы отдохнуть, — как бы мне хотелось, чтобы он был мой! Я бы с ним играла, учила его всяким фокусам, если бы... если бы только я стала, какая я была раньше! Ой, мамочка, что же это я! Чуть не забыла, что мне первым делом надо вырасти! Как же это сделать? Ага, конечно, надо что-то съесть или выпить, только вот самый главный вопрос — ЧТО?

Да, «что» — это был действительно большой вопрос: сколько Алиса ни озиралась кругом, она видела только траву и цветы, и ничего пригодного для еды или хотя бы для питья что-то не было заметно. Рос, правда, неподалёку большой гриб, размером никак не меньше самой Алисы. Она и его осмотрела очень тщательно: и справа, и слева, и сзади, и даже заглянула ему под шляпку, а потом подумала, что осматривать так осматривать, и надо посмотреть, нет ли чего-нибудь и на шляпке.

Алиса встала на цыпочки, вытянула шею и, заглянув через край, встретила взглядом с большим синим червяком — гусеницей какой-то бабочки.

Червяк сидел себе на шляпке сложив руки и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на всё окружающее.

Червяк и Алиса довольно долго созерцали друг друга в молчании; наконец Червяк вынул изо рта чубук и сонно, медленно произнёс:

— Кто — ты — такая?

Хуже этого вопроса для первого знакомства он ничего бы не мог придумать: Алиса сразу смутилась.

— Видите ли... видите ли, сэр, я... просто не знаю, кто я

сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я всё время то такая, то саякая — словом, какая-то не такая. — И она беспомощно замолчала.

— Выразайся яснее! — строго сказал Червяк. — Как тебя прикажешь понимать?

— Я сама себя не понимаю, сэр, потому что получается, что я — это не я! Видите, что получается?

— Не вижу! — отрезал Червяк.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Алиса очень вежливо, — но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Впервые, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то саякой, то этаким — всё как-то путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

— Ну, может быть, с вами просто ещё так не бывало, — сказала Алиса, — а вот когда вы сами так начнёте превращаться — а вам обязательно придётся, знаете? — сначала в куколку, потом в бабочку, вам тоже будет не по себе, да?

— Нет! — сказал Червяк.

— Ну, может быть, у вас это по-другому, — согласилась Алиса. — Зато вот мне ужасно не по себе...

— Тебё? — произнёс Червяк презрительно. — А кто ты такая?

«Ну вот, здрасте, приехали! — подумала Алиса. Правду говоря, она начала уже понемногу терять терпение. — Ну что это в самом деле, от него слова не допросишься», — думала она.

— По-мóему, сначала Вы должны мне сказать, кто вы такой! — сказала она величественно и приосанилась.

— Почему? — отвечал Червяк.

Вопрос был для Алисы совершенно неожиданным, и так как она не сумела придумать никакого убедительного ответа, она решила, что, видно, Червяк просто очень не в духе, повернулась и пошла.

— Вернись! — крикнул Червяк ей вдогонку. — У меня есть для тебя важная новость!

Перед таким соблазном Алиса, естественно, не могла устоять и немедленно повернула обратно.

— Не надо выходить из себя! — сообщил Червяк.

— Это всё? — спросила Алиса, чуть не поперхнувшись от негодования.

— Не всё, — сказал Червяк.

«Ладно, так и быть, — подумала Алиса, — подожду. Делать мне всё равно нечего, а может, он в конце концов скажет что-нибудь стоящее».

Червяк долго — минут пять! — молча попыхивал кальяном, но в конце концов действительно опять вынул из рта чубук и сказал:

— Так ты думаешь, ты в кого-то превратилась?

— Боюсь, что так! — сказала Алиса. — Главное, всё время делаюсь то маленькая, то большая и ничего не могу вспомнить толком.

— Не можешь вспомнить чего? — спросил Червяк.

— Ничего! Даже стихов! — плачевным тоном сказала Алиса. — Я вон даже «Дети, в школу собирайтесь» хотела прочитать, а получилась какая-то чепуха!

— Прочти «Вечер был, сверкали звёзды», — предложил Червяк. — Очень трогательный стишок!

Алиса послушно встала в позу, сложила перед собой ручки и начала:

Вечер был, сверкали звёзды,
На дворе мороз трещал.
Папа маленького сына
Терпеливо просвещал.

И хотя он (папа) вскоре
Посинел и весь дрожал,
Задавать ему вопросы
Сын упорно продолжал:

— Заяц белый, куда бегал?
— Чижик-пыжик, где ты был?
— Аты-баты — что купили? —
Даже это не забыл!

Ах, как он хотел поставить

Старика отца в тупик!

Но, увы, на все вопросы

Отвечал шутя старик.

Сын спросил:

— Скажи, на сколько

«РЕ»

Трещит сейчас мороз? —

Но отец и тут нашёлся:

— На два «ре», молокосб!

— Ладно, — проворчал малютка, —

Вот тебе вопрос такой:

— Кто зовётся Второпяхом?

Ах, попалась, птичка, — стой!

— Рано радуешься, мальчик! —

Осадил старик юнца. —

Как известно повсеместно,

Второпях зовут отца!

И, поняв, что всё пропало,

Закричал отцу сынок:

— Что ты ржёшь, мой конь ретивый?

(Лучше выдумать не мог...)

— Как же ты не постеснялся

Мне задать такой вопрос?

Ты ответишь, милый мальчик,

И не в шутку, а всерьёз!

Да! Хотя довольно громко

На дворе мороз трещал,

Все прохожие слышали,

Как малютка отвечал!

— Не то, — сказал Червяк.

— Да, кажется, не совсем те стихи, — смущённо сказала Алиса. — Некоторые слова перепутались!

— Всё никуда не годится

Ну, уж такой пуганицы я в жизни не читал! Алиса тут побила все рекорды: она спугала не одну, не два, а целых в семь стихотворений! Кто их все узнает, тот молодец!

с самого начала до самого конца! — решительно подвёл итоги Червяк, и наступило долгое молчание.

На этот раз Червяк заговорил первым.

— Так какого размера ты хочешь быть? — спросил он.

— Да мне почти всё равно, — не подумав, ответила Алиса. — Мне только очень неприятно, когда он так часто меняется. Понятно?

— Мне НЕ понятно, — сухо сказал Червяк.

Алиса промолчала: никогда в жизни ей столько не противоречили, и она уже чувствовала, что, несмотря на недавний совет Червяка, вот-вот выйдет из себя.

— Твой нынешний размер тебе нравится? — спросил Червяк.

— Ну, — замялась Алиса, — если вы не возражаете, я хотела бы чуточку подрасти! Я ведь сейчас с палец ростом. Подумайте, это прямо стыдно быть такого роста!

— Таким ростом можно только гордиться! — сердито закричал Червяк, вытягиваясь во весь рост. Он был как раз длиной с палец.

— Но я так не привыкла, — чуть не плача, взмолилась бедная девочка. «Ужас, какие они тут все обидчивые!» — подумала она и вздохнула.

— В своё время привыкнешь! — заявил Червяк и преспокойно принялся снова дымить своим кальяном.

Теперь Алиса решила подождать, пока Червяк опять сам соблаговолит с ней заговорить.

Через несколько минут он опять вытащил изо рта чубук и отложил его в сторону; затем раза два зевнул и хорошенько потянулся. А потом он не спеша спустился по ножке гриба на землю и куда-то пополз.

И только перед тем, как окончательно скрыться в траве, он мимоходом произнёс:

— Откусишь с этого боку — станешь больше, откусишь с того боку — станешь меньше. Ну-ка, раскуси!

Получалось что-то вроде загадки. «Что же это? Откуда я должна откусить и что раскусить?» — мелькало у Алисы в голове.

— Гриб! — немедленно отозвался Червяк, словно расслышал её последние слова.

И только она его и видела.

Алиса в раздумье уставилась на гриб, пытаясь сообра-

зять, где у него бока, а это было весьма и весьма нелегко, так как шляпка у гриба была совершенно круглая.

Но... хотите — верьте, хотите — нет, Алиса всё-таки нашла выход! Она встала на цыпочки, обхватила шляпку обеими руками, и там, куда смогла дотянуться, отломала по кусочку — сразу и правой и левой рукой!

Теперь оставалось самое трудное: решить, с какого начать.

«Какой какой? Какой — ТОТ, какой — ЭТОТ?» — лихорадочно думала Алиса и в конце концов отважилась откусить — совсем чуточку! — от того кусочка, который был в правой руке.

И в ту же секунду почувствовала сильный удар в подбородок: он стукнулся об её собственные ботинки!

Как ни ошеломлена была Алиса, она всё же сообразила, что времени терять нельзя: надо немедленно откусить хоть чуточку от другого куска, иначе она пропала!

Это было ужасно трудно: подбородок бедной девочки так сильно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот!

И всё-таки Алиса ухитрилась кое-как откусить и проглотить крошечку...

* * *

— Ура! Голова на воле! — закричала Алиса в восторге, но её восторг тут же сменился испугом: теперь куда-то пропали её плечи! Ну прямо как в воду канули!

Алиса глядела во все глаза, но внизу ничего не было видно, кроме бесконечно длинной шеи, вздымавшейся, словно мачта, над целым морем зелени.

— Куда же они могли деваться? — громко спросила Алиса. — А это что за новое море, интересно? Ой, ручки мои дорогие, и вы пропали! Где вы, ау-у!

Тут она попробовала пошевелить руками, но почти безрезультатно.

Только где-то там, далеко внизу, лёгкий трепет прошёл по зелени.

Ну что ж, если поднять руки к голове было невозможно, можно было попробовать наклонить к ним голову. Алиса так и сделала, и, к счастью, оказалось, что её новая шея великолепно гнётся в любом направлении. Изящно изогнув её плавным зигзагом, Алиса собиралась нырнуть в зелёное море (она уже поняла, что это просто листья на верхушках деревьев, под которыми она только что гуляла), как вдруг громкий свистящий звук заставил её отпрянуть.

На неё яростно налетела большая голубка, стараясь ударить её крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка. — Ах ты змея!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— Змея — змея и есть! — повторила Голубка, но уже не так уверенно. А потом она прибавила, чуть не плача: — Чего только я не перепробовала — и всё зря. На них не потрафишь!

— О чём вы говорите? Я ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— Корни деревьев пробовала, речные откосы пробовала, колючие кусты пробовала, — не слушая Алисы, продолжала Голубка, — им всё мало! Проклятые твари!

Тут Алиса уже окончательно перестала что-нибудь понимать. Но она чувствовала, что, пока Голубка не выскажется до конца, лучше помолчать.

— Как будто это лёгкая работа — сидеть на яйцах! — продолжала Голубка, всё повышая голос. — Попробуй сама, так узнаешь! А я, несчастная, мало того, что сижу как проклятая, ещё должна день и ночь караулить, как бы змеи не забрались в гнездо! Бедная моя головушка! Три недели глаз не сомкнула ни днём ни ночью!

— Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чём дело.

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу, — продолжала Голубка (она уже кричала), — и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту — не тут-то было! Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты змея!

— Да я же не змея — говорят вам, — сказала Алиса. — Я просто... я просто...

И тут она загнулась.

— Ну, что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка. — Ещё ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка, — сказала Алиса, не вполне уверенно, не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все её сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — ответила Голубка с величайшим презрением. — Не мало повидала я на своём веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея, вот кто ты такая! И лучше не ври! Ты мне ещё скажешь, что никогда яиц не ела.

— Яйца я, конечно, ела, — сказала Алиса — она была на редкость правдивый ребёнок. — Девочки ведь тоже едят яйца!

— Быть того не может, — сказала Голубка. — Ну, а уж если правда едят, значит, они просто-напросто змеи, только особой породы! Вот тебе и весь мой сказ!

Алису так поразила эта — совершенно новая для неё — мысль, что она в растерянности умолкла.

— Всё понятно! — воспользовавшись паузой, немедленно прибавила Голубка. — Ты тут ищешь яички! Какая же для меня разница — девочка ты или змея?

— Зато для меня это *очень большая* разница! — возмущилась Алиса. — И никаких я яиц тут не ищю, представьте себе, а уж если бы искала, то не ваши! Я сырые вообще не люблю!

— Ах вот как? Ну, тогда проваливай! — грубовато сказала Голубка, снова усаживаясь в своё гнездо.

Алиса послушалась.

Она с большим трудом пробиралась среди деревьев: ветки всё время цеплялись за её новую шею и ей поминутно приходилось останавливаться и выпутываться; к счастью — хоть и не сразу, — она вспомнила, что ведь в руках у неё так и остались кусочки волшебного гриба. Выбравшись на свободное место, она с величайшей осторожностью стала откусывать

по крошечке то от ТОГО, то от ЭТОГО кусочка и то увеличивалась, то уменьшалась, и в конце концов ей удалось стать в точности такой, какой она была обычно.

И знаете, она так отвыкла быть нормальной девочкой, что сперва ей даже стало как-то неловко!

Но, конечно, довольно скоро она опять привыкла к себе и начала, по обыкновению, сама с собой беседовать.

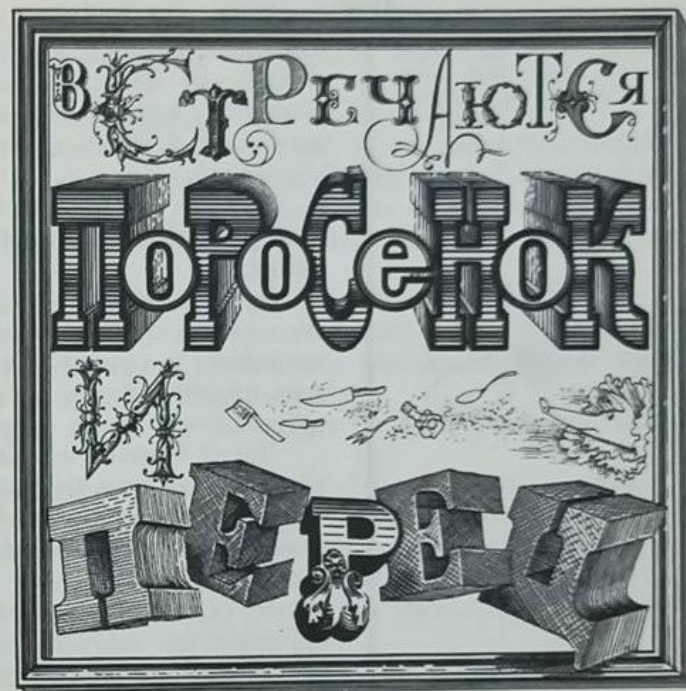
— Ну вот, половина дела сделана, а ведь, пожалуй, другая девочка на моём месте могла голову потерять от всех этих превращений! Да, она бы ничего не сделала, а вот я сумела стать какая была! Первая часть плана выполнена. Теперь остаётся вторая часть: забраться в тот чудесный садик! Интересно, интересно, как же мы туда попадём...

Тем временем она неожиданно вышла на прогалину, где стоял маленький домик — высотой точь-в-точь с самой Алисой.

— Не знаю, кто живёт в этом домике, — соображала Алиса, — но только я в таком виде не могу им показаться! Я для них слишком большая, они там все до смерти перепугаются!

И предусмотрительная девочка опять взялась за гриб из ТОИ руки и ела его до тех пор, пока не стала ростом примерно с кошку.

Глава
шестая,
в которой

Она уже минуты две стояла в нерешительности, разглядывая дом, как вдруг из леса выбежал ливрейный лакей и изо всей мочи забарабанил в дверь.

(Алиса догадалась, что это ливрейный лакей, потому что на нём была ливрея; судя же по лицу, это был просто Карась.)

Ливреи сейчас уже почти никто не носит, хотя лакэи кое-где, говорят, ещё встречаются.

Дверь отворилась, и из дому вышел Швейцар, тоже в ливрее, с круглой физиономией и выпученными, как у лягушки, глазами — точь-в-точь взрослый головастик.

У обих на головах были пудренные парики с длинными завитыми бублями.

Тут Алисе стало очень интересно; она подкралась немного поближе к дому и, спрятавшись за кустиком, приготовилась слушать и смотреть.

Лакэй-Карась начал с того, что вытащил из-под мышки огромный конверт (чуть ли не больше его самого) и с важным видом вручил его Головастику.

— Герцогине, — величественно произнёс он. — От Королевы. Приглашение на вечерний крокет.

Швейцар-Головастик с тем же величественным видом повторил всё слово в слово, только немного не в том порядке:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на вечерний крокет.

Затем оба поклонились друг другу так низко, что их бубли чуть не перепутались.

Алисе почему-то стало до того смешно, что пришлось ей опять убежать подальше в лес, чтобы они не услышали, как она хохочет. А когда она, вволю насмеявшись, вернулась на прежнее место и от-

важилась снова выглянуть из-за куста, Карася уже не было, а Швейцар сидел на земле у входа в дом и бессмысленно тараторил на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать нет никакого смысла, барышня, — сказал Швейцар. — По двум существенным причинам. Первое: я за дверью и вы за дверью, и вдобавок мы оба снаружи. Второе: они там так шумят, что никто вашего стука не слышит. Не так ли?

Действительно, из дому доносился невероятный шум: кто-то без остановки ревел, кто-то (тоже без остановки) чихал и — мало того — то и дело раздавался страшный треск и звон, словно там изо всех сил били посуду.

— Извините, а как же мне тогда попасть в дом? — спросила Алиса.

— Кое-какой смысл стучать мог бы ещё быть, — продолжал Швейцар-Головастик, не обращая ни малейшего внимания на вопрос Алисы, — если бы эта дверь нас разделяла. Пример. Вы, барышня, находитесь в доме. Я нахожусь здесь. Вы стучите. Я отворю вам дверь. Вы выходите. И вот вы тоже снаружи. Не так ли?

Всё это время он не отрываясь глядел в небо, и Алиса решила, что он ужасный невежа.

«Хотя, может быть, он не виноват, — тут же подумала она, — просто у него глаза так устроены: сидят, честное слово, на самой макушке! Да, но хоть на вопросы-то он мог бы отвечать!»

— Как же мне попасть в дом? — повторила она погромче.

— Возможно, я посижу здесь, — продолжал Швейцар, — до завтра...

В этот момент дверь дома отворилась, и большое блюдо полетело прямо Швейцару в голову; ему сильно повезло — блюдо лишь слегка мазнуло его по носу и, попав в дерево за его спиной, разлетелось вдребезги.

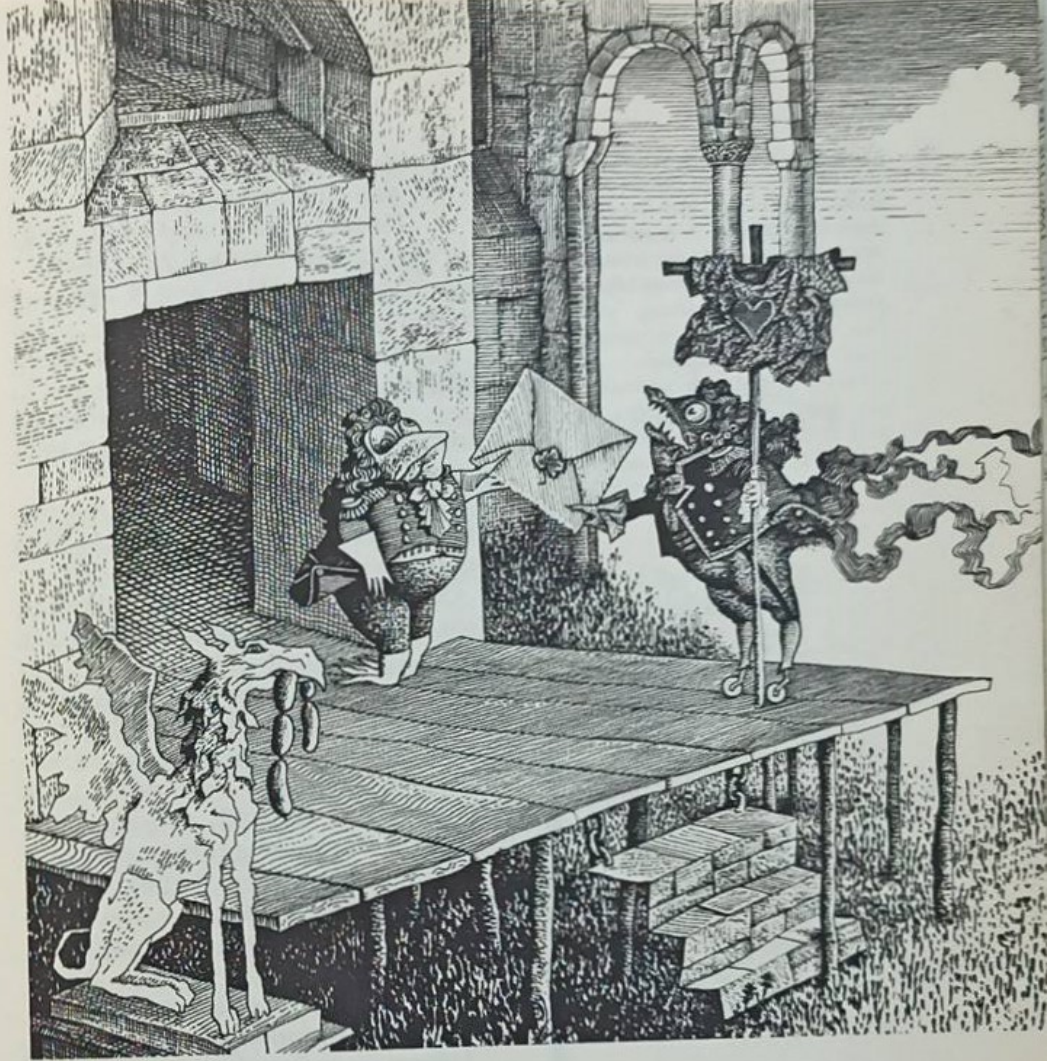
— ... или, возможно, до послезавтра, — продолжал Головастик как ни в чём не бывало, — а может быть...

— КАК МНЕ ПОПАСТЬ В ДОМ? — повторила Алиса уже совсем громко.

— А кто сказал, что вы вообще должны попасть в дом, барышня? — сказал Швейцар. — Начинать надо с этого вопроса, не так ли?

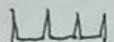

Так-то оно было, конечно, так, только Алиса не любила, когда с ней так говорили.

— Прямо ужас, как вся эта живность любит спорить! — пробормотала она себе под нос. — С ума можно сойти! А Швейцар, судя по всему, решил, что настал самый под-

Хотел бы я знать, как Алиса догадалась, что это Герцогиня? Впрочем, в те времена герцогини встречались гораздо чаще, и Алисе, стало быть, виднее.

ГЕРЦОГИНЯ

КОРОЛЕВА

ходящий момент, чтобы вернуться к его любимой теме.

— Может быть, я так и буду сидеть здесь — день за днём... День ото дня... Изю дня в день, — завёл он.

— А что же мне делать? — спросила Алиса.

— Всё, что хочешь! — ответил Швейцар-Головастик и начал что-то насвистывать.

«Да что с ним говорить! — подумала отчаявшаяся Алиса. — Это просто какой-то идиотик!»

Она решительно распахнула дверь и вошла. Дверь открывалась прямо в большую кухню.

Там стоял дым коромыслом: посреди на трёхногой табуретке сидела Герцогиня и качала на коленях младенца; Повариха, согнувшись над плитой, что-то помешивала в большой кастрюле. Алисе показалось, что там варится суп.

«И-и-и-чхи! В этом — апчхи! — супе — чхи! — слишком много... а-а-а-пчхерцу!» — с трудом подумала Алиса — так она расчихалась в первую же минуту, как вошла.

Перцу действительно было слишком много, если и не в супе, то во всей кухне. Герцогиня и та чихала довольно регулярно; а младенец вообще не делал перерывов: он либо чихал, либо ревел и переставал реветь только для того, чтобы чихнуть... И наоборот.

Во всей кухне не чихали только двое: сама Повариха и большущий Кот — он лежал у печки и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому не совсем уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими), — почему ваш кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот, — сказала Герцогиня, — вот почему. Просёнок!

Последнее слово она выпалила с такой яростью, что Алиса так и подскочила; но она тут же сообразила, что оно относится не к ней, а к младенцу, и, собравшись с духом, снова заговорила:

— Я не знала, что Чеширские Коты должны улыбаться. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Все они умеют, — сказала Герцогиня, — и большинство не упускает случая!

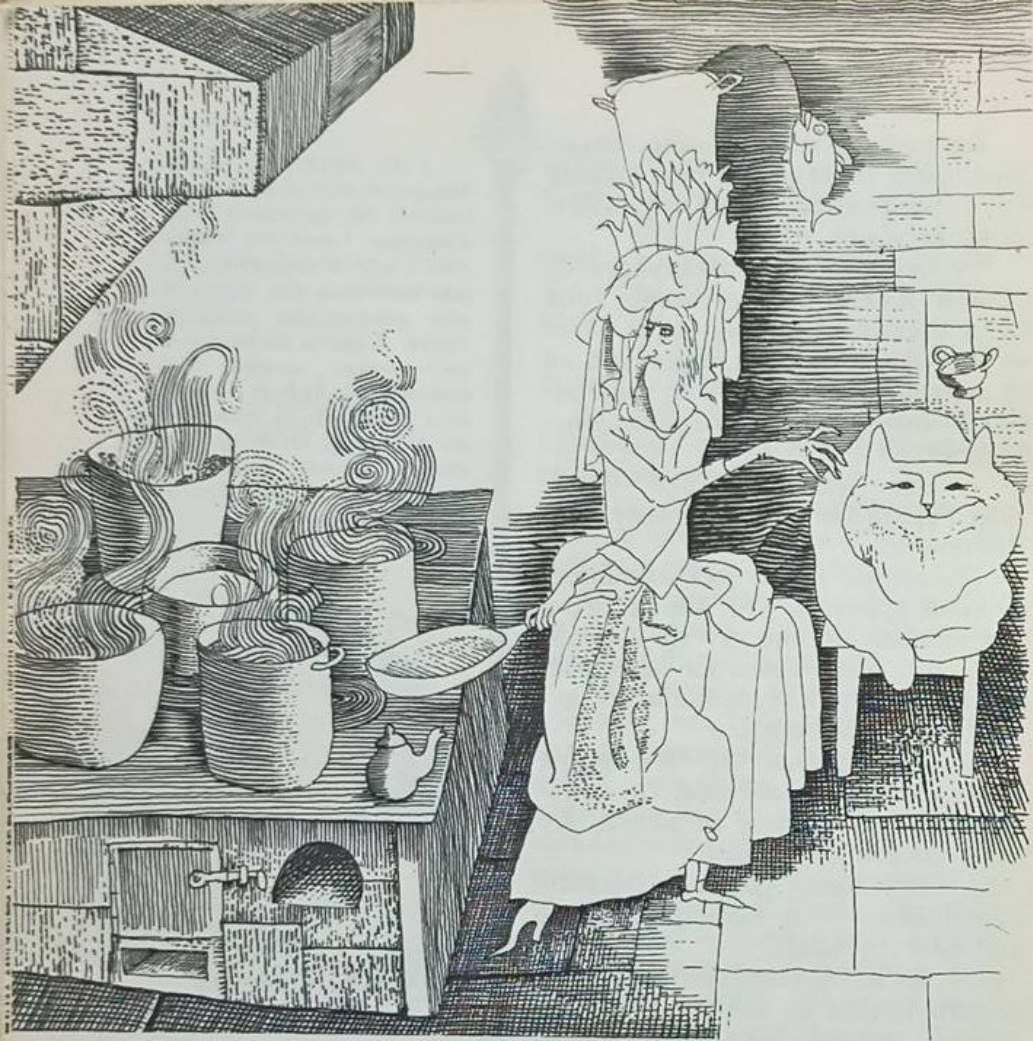
— А я, представьте себе, ни одного такого не знала! — сказала Алиса весьма светским тоном. В глубине души она была в восторге, что сумела завязать такую интересную беседу с Герцогиней.

— Ты многого не знаешь, — категорически заявила Герцогиня, — это факт!

А ВЫ ЗНАЕТЕ, кто такой Чеширский Кот? Одни учёные говорят, что на самом деле чеширский кот — это просто... сыр! В старину в Англии был такой сорт сыра — в виде улыбающейся кошачьей головы. А другие уверяют, что это — леопард, который был нарисован на вывеске трактира в Чeshire (есть такое место в Англии). По-моему, Кот всё-таки больше похож на леопарда, чем на сыр. Хотя я могу и ошибиться.

Такого рода замечание Алисе никак не могло понравиться, и ей сразу захотелось поговорить о чём-нибудь совсем-совсем другом.

Но пока она старалась найти более привлекательный

предмет для беседы, Повариха сняла кастрюлю с плиты и, не теряя времени, взялась за другое дело. А именно: она начала швырять всем чем ни попало в Герцогиню с младенцем.

В первую очередь в них полетели кочерга, совёк и щипцы

для угля, затѣм градом посыпались сковородки, тарѣлки, чашки.

Правда, Герцогиня, казалось, ничего не замечала, даже когда в нее попадало кое-что, а ребеночек и без того так вопил, что никак нельзя было понять, ушибли его или нет.

Но Алиса была вне себя от ужаса.

— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте! — кричала она, прыгая на месте от волнения. — Ой, вот сейчас прямо в наш дорогой носик! — Это относилось к огромной сковородке, которая пролетела у ребеночка перед самым носом и чуть-чуть не прихватила упомянутый нос с собой.

— Если бы никто не совал носа в чужие дела, — проворчала Герцогиня, — мир завертелся бы куда быстрей, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями. — Представляете, какая бы началась путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати, об отвращении! — сказала Герцогиня. — Отвратительных девчонок казнят!

Алиса испуганно покосилась на Повариху, но, убедившись, что та, пропустив этот намек мимо ушей, вновь деловито помешивает свой суп, продолжала (правда, несколько сбивчиво):

— Я только хотела сказать, что если сейчас Земля совершает один оборот за двадцать четыре часа... Или наоборот: двадцать четыре оборота за час...

— Ах, не мучай меня, дорогая, — сказала Герцогиня, — цифры — это мое слабое место!

И она снова принялась укачивать своего ребеночка, напевая нечто вроде колыбельной и изо всех сил встряхивая бедняжку в конце каждой строчки:

Малютку сына — баю-бай! —
Прижми покрепче к сердцу
И никогда не забывай
Задать ребенку перцу!

Баюкай сына своего
Хорошею дубиной —
Увидишь, будет у него
Характер голубиный!

ПРИПЕВ:

(Его дружно подхватили Повариха и младенец):

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

А исполняя второй куплет этой странной колыбельной, Герцогиня так свирепо подбрасывала младенца и несчастный малыш так отчаянно вопил, что Алиса разобрала только половину слов:

Уж я-то деточку свою
Лелюю, словно розу!
И я его — баю-баю,
Как сидорову козу!

ПРИПЕВ:

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

— Держи! — крикнула Герцогиня Алисе и швырнула ей ребенка. — Можешь понычаться с ним, если хочешь. Я должна переодеться к вечернему крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Повариха запустила сковородой ей вдогонку, но немного промахнулась.

Алиса с трудом удержала малыша в руках. Он был какой-то странный. Руки и ноги у него торчали во все стороны. «Прямо как у морской звезды», — подумала Алиса.

Бедный крошка пытел как паровоз, вырываясь от своей новой няньки. Он то складывался вдвое, то опять весь растопыривался; Алисе долго не удавалось взять его поудобнее.

Как только ей это наконец удалось (для чего пришлось завязать ребеночка узлом и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не мог развязаться), она вынесла его на свежий воздух.

«Придётся взять малыша с собой, — подумала Алиса, — а то они его не сегодня-завтра укукошат!»

— Оставить его тут — это просто преступление!

Последнюю фразу она сказала вслух, и ребёночек хрюкнул в ответ (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса строго, — детям хрюкать неприлично, и никто тебя не поймёт!

Малыш опять хрюкнул, и Алиса встревоженно заглянула ему в лицо, не понимая, что же это такое делается.

Нос у него, правда, был что-то уж очень курносый, больше похожий на пяточок, чем на настоящий нос; да и глаза были что-то маловаты для нормального ребёнка, и вообще Алисе не очень понравился его вид.

«А всё-таки, может быть, он просто хныкал?» — подумала добрая девочка и опять заглянула ему в глаза — нет ли там слёз.

Нет, слёз не было и в помине.

— Смотри, мой дорогой, — строго сказала Алиса, — если ты решишь вести себя по-свински, я с тобой не буду водиться! Заруби себе на носу.

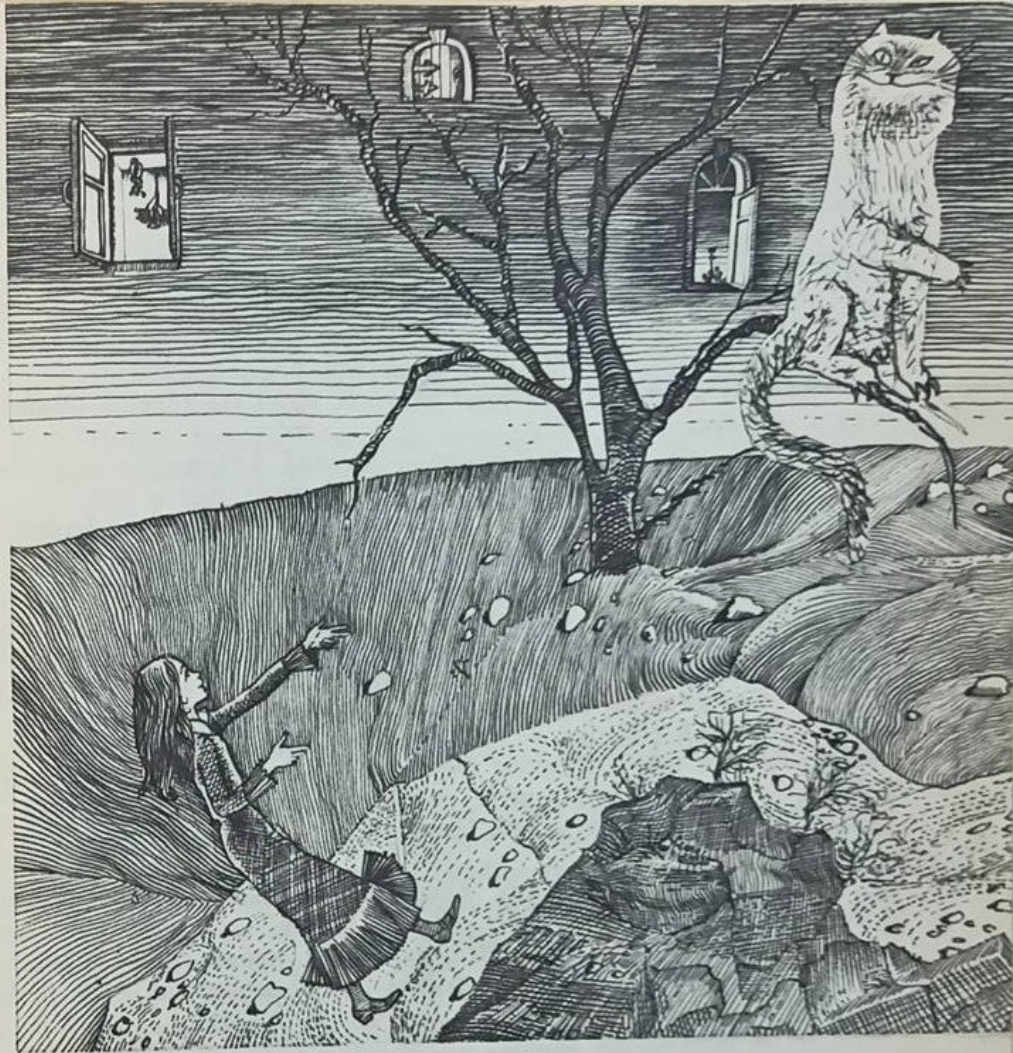
Бедный малыш опять хныкнул (или хрюкнул, трудно было понять), и они молча двинулись дальше.

Алиса начала уже обдумывать, что она будет с ним делать, когда приведёт его домой, как вдруг он снова хрюкнул, да так отчаянно, что она опять в испуге поглядела на него. И на этот раз уже не оставалось никаких сомнений: это был самый настоящий поросёнок!

Разумеется, было бы совершенно нелепо, тащить его дальше на руках; Алиса пустила малыша на землю и с облегчением увидела, что он преспокойно затрусил куда-то в лес.

«Ну что ж, ничего, — подумала она, — ведь из него мог выйти очень противный мальчишка. А так получился очень симпатичный поросёнок!»

И Алиса стала вспоминать других знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликоленные поросята, и уже говорила про себя: «Вот бы только узнать такое средство, чтобы превратить их...», как вдруг она вздрогнула и остановилась.

В нескольких шагах от неё на ветке какого-то дерева сидел Чeshire Кот.

Кот тоже заметил Алису и только улыбнулся. «На вид он не злой», — подумала Алиса.

И правда, вид у Котá был добродушный; но только уж очень длинные когти и зубов полон рот — всё это внушало почтёние.

— Чéширский Мурлыка... — заговорила Алиса несмело — она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся ещё шире.

«Значит, не сердится», — подумала Алиса и продолжала:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Да мне почти всё равно, — начала Алиса.

— Тогда всё равно, куда идти, — сказал Кот.

— Лишь бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Не беспокойся, *куда-нибудь* ты обязательно попадёшь, — сказал Кот, — конечно, если не остановишься на полпути.

Алиса почувствовала, что спорить тут не приходится, и решила подойти к вопросу с другой стороны.

— Скажите, а кто тут кругом живёт? — спросила она.

— В этой стороне, — Кот помахал в воздухе правой лапой, — живёт некто Шляпа! Форменная Шляпа! А в этой стороне, — и он помахал в воздухе левой лапой, — живёт Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навести кого хочешь. Оба ненормальные.

— Зачём это я пойду к ненормальным? — пролепетала Алиса. — Я их... Я лучше к ним не пойду...

— Видишь ли, этого всё равно не избежать, — сказал Кот, — ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут, — просто сказал Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

Хотя такой ответ не совсем устраивал Алису, она не могла удержаться от дальнейших расспросов.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнём с собаки, — сказал Кот. — Возьмём нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итáк, — продолжал Кот, — собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нормальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный.

— Разве вы ворчите? По-моему, это называется мурлыкать, — сказала Алиса.

— Пусть называется как угодно, — сказал Кот. — Ты вечером будешь на крокете у Королевы?

— Ой, я бы очень хотела, — сказала Алиса, — да только меня что-то ещё не приглашали.

— Значит, до вечера, — сказал Кот и исчез.

Не сказать, чтобы Алиса так уж сильно этому удивилась — она уже привыкла ко всяким чудесам, — но всё-таки она долго не могла отвести глаз от ветки, на которой только что сидел Кот.

Как вдруг он появился снова.

— Кстати, чуть не забыл спросить, — сказал он, — что же случилось с тем ребёнком?

— Он превратился в поросёнка, — честно ответила Алиса.

— Так я и думал, — сказал Кот и опять исчез.

Алиса подождала немного, тайне надеясь, что он снова появится, но Котá всё не было, и она пошла в ту сторону, где, по его словам жил Очумелый Заяц.

«Шляпы я и раньше видела, — думала она, — а Заяц, конечно, намного интереснее! А потом ведь сейчас май месяц, а не март, — может, он уже поправился, стал нормальный...»

Тут она подняла глаза. Перед ней на ветке опять сидел Кот.

— Как ты сказала: «в поросёнка» или «в карасёнка»? — с живым интересом спросил он.

— Я сказала «в поросёнка», — отвечала Алиса, — и можно вас попросить не исчезать и не появляться всё время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

— Договорились, — сказал Кот и на этот раз действитель-

тельно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно всё остальное; наконец осталась только одна улыбка, — сам Кот исчез, а она ещё держалась в воздухе.

«Вот это да! — подумала Алиса. — Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без кота — это я прямо не знаю что такое!»

Очень скоро показался недалеко дом Очумелого Зайца: трубы на нём были в виде заячьих ушей, а крыша покрыта заячьим мехом, так что Алиса сразу догадалась, что это **ТОТ САМЫЙ** дом.

Дом был такой большой, что она побоялась подойти к нему — сперва она съела немножко гриба из ЭТОЙ руки и стала ростом раза в два побольше. Да и то она сильно замедлила шаг.

«А вдруг он всё-таки бешеный, — думала она, — пожалуй, лучше мне было пойти к Шляпе!»

Глава
седьмая,
в которой

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол; Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверёк вроде белочки. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облакачивались на неё, как на подушку, и разговаривали через её голову.

«Бедная Соня, — первым делом подумала Алиса, — ей,

навёрное, очень неудобно! Хотя раз она так крепко спит, то, значит, не сердится».

Ещё она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не хочешь ли торта? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого торта? Что-то я его не вижу, — сказала она.

— Его тут и нет, — подтвердил Заяц.

— Зачем же предлагать? Это не очень-то вежливо! — обиженно сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень-то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — объяснила Алиса. — Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе постричься, — неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя всё это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — очень грубо! — наставительно сказала Алиса. — Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза — видимо, это замечание его сильно удивило. (Хорошенько подумав, его можно понять!)

Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса. — Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас отгадаю, — прибавила она вслух.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивлённо спросил Заяц.

— Конечно, — сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц. — Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чутьточку подумав, честно прибавила: — Ну, во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа. — Ты бы ещё сказала: «я вижу всё, что ем» и «я ем всё, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы ещё сказала, — подхватил Заяц, — «я учу то, чего не знаю» и «я знаю то, чего не учу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы ещё сказала, — неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз, — «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну, для тебя-то это одно и то же, — сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить всё, что ей было известно про пуганых ворон и письменные столы. Сведений у неё, увы, было не так много.

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул.

Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвёртое мая!

— Врут на два дня, — вздохнул Шляпа. — Говорил я тебе — нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Заяца.

— Да ведь... Да ведь... масло было высшего сорта! — неувверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Всё равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа. — Незачем было мазать механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свой прежние слова:

— Видите ли, масло было самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы, — сказала Алиса, с большим интересом наблюдая за манипуляциями Заяца, заглядывая ему через плечо. — Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати? — буркнул Шляпа. — Разве часы обязаны всё показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет, — начала Алиса с полной готовностью, — но ведь...

— Но ведь, — перебил её Шляпа, — ты не скажешь, что они негодные?

— Да-а, — сказала Алиса, — год-то — это совсем другое дело! Он так долго стоит на месте — целый год!

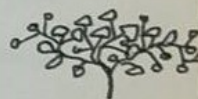
— Вот именно! Так сказать можно и про них, так сказать! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбило бедную Алису с толку. Как она ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла, — сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула, — ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чаем.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

По-моему, эта загадка труднее даже знаменитой загадки про полотенце («Висит на стенке, зелёный, длинный, и стреляет»). Там хотя бы есть отгадка («Почему стреляет? — Чтобы труднее было отгадать!»). А эту загадку не отгадал ещё никто на свете. Если вам удастся её отгадать, немедленно напишите в Академию наук или хотя бы в Дом детской книги.

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!
— Так ты отгадала загадку? — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь, — сказала Алиса. — А какой ответ?

— Понятия не имею, — сказал Шляпа.

— А я тем более, — поддержал Заяц.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого, — сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала время, как я его знаю, — сказал Шляпа, — ты бы не говорила о нём в среднем роде. Оно — не оно, а он — Старик-Время!

— Никогда бы не подумала, — сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа, презрительно дёрнув носом. — Ты о нём вообще, наверно, в жизни не думала!

— Нет, почему, — осторожно начал Алиса, — иногда, особенно на уроках музыки, я думала — хорошо бы лучше провести время...

— Всё понятно! — с торжеством сказал Шляпа. — Провести время! Ишь чего захотела! Время не проведёшь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твоё дело было... в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки: а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и завертелись. Жжжжик! Дело в шляпе: полвторого, пора обедать!

— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово, — протянула в раздумье Алиса, — но только... но только ведь у меня бы тогда ещё не было аппетита.

— Разве что на первых порах, — сказал Шляпа, — но ведь ты могла бы сколько хочешь подождать!

— А вот вы... а ваше дело в шляпе? — спросила Алиса. Шляпа уныло покачал головой.

— Охо-хо! — ответил он. — Мы со Стариком поссорились!

Недавно, в марте — как раз когда вон он (он показал своей ложкой на Зайца) очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был приём, и в концерте я должен был петь романс. Этот, всем известный:

Крокодилчики мой,
Цветики речные!
Что глядите на меня
Прямо как родные?

Припоминаешь?

— Я что-то похожее слышала, — сказала Алиса.

— Ну как же! Дальше там, помнишь, — продолжал Шляпа, —

Это кем хрустите вы
В день весёлый мая,
Средь нескучанной травы
Головой качая?

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:

— Ча́я! Ча́я!.. Ча́я!..

Пела она до тех пор, пока не догадалась её ушипнуть. Тогда она сразу замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет, — снова заговорил Шляпа, — Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову!»

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

— А самое ужасное, — продолжал Шляпа трагическим тоном, —

В Англии есть странный обычай — в пять часов вечера обязательно пить чай. Особенно странно, что, когда сказка про Алису вышла в свет, такого обычая ещё не было! Но англичане, как известно, вообще большие чудачки.

что Старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает! И с тех пор у нас всегда пять часов.

Тут Алису осенило.

Она вдруг всё поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно, — сказал Шляпа со вздохом. — У нас всегда время только пить чай! Представляешь? Даже нет времени помыть все эти штуки.

— Значит, вам приходится всё время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно! — сказал Шляпа. — По мере использования посуды!

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдёте до начала? — не удержалась Алиса.

— Не порá ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая. — Мне всё это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостья рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса. — Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц. — Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ущипнули её — каждый со своего боку.

Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать, — сказала она осипшим спросонья голосом. — Я всё слышала, о чём вы тут говорили. Могу повторить каждое слово.

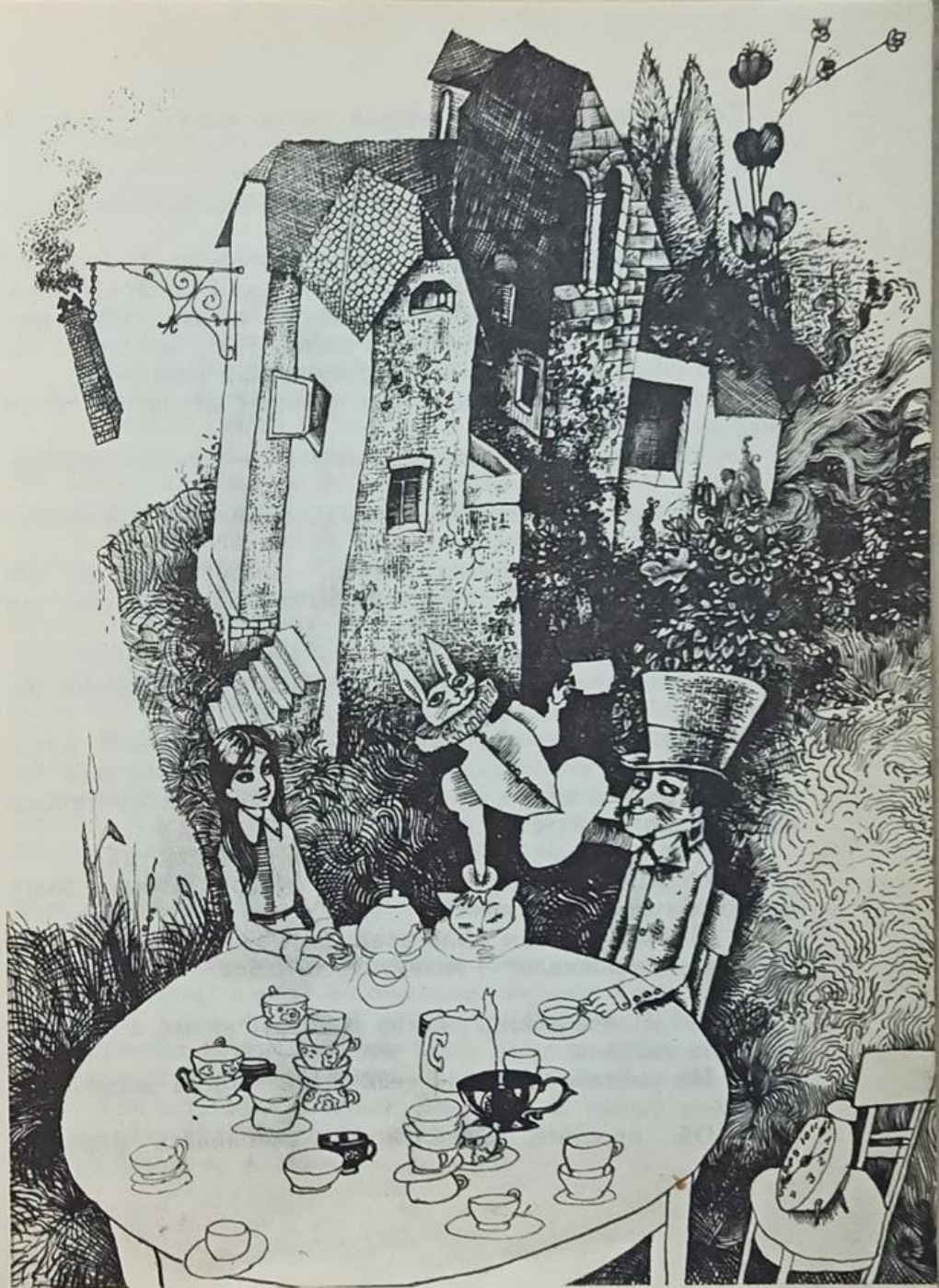
— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся, — добавил Шляпа, — а то опять уснёшь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня, — жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колдце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса, которую всегда весьма интересовали вопросы питания.

Соня долго думала — наверно, целую минуту, — а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть, — робко запротестовала Алиса, — они бы заболели!

— Так и было, — сказала Соня, — заболели, да ещё как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось вести такую странную жизнь. Но у неё что-то ничего не получилось. Тогда она возобновила расспросы.

— А зачем они поселились в колодце, да ещё на самом дне?

— Почему ты не пьёшь больше чаю? — спросил Заяц забóтливо.

— Что значит «больше»? — обиделась Алиса. — Я вообще ничего тут не пила!

— Тем более! — сказал Шляпа. — Выпить больше, чем ничего, — легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего, — это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает! — выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям? — победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову, так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем же они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала — во всяком случае, долго молчала! — а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло? — возмущалась Алиса. — Вы говорили там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на неё, а Соня надулась и сказала:

— Не умёешь прилично себя вести — тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста, — взмолилась Алиса, —

пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебыю! Вы говорили — там что-то было... — напомнила она.

— Мало ли, что там было, — сказал Заяц. — Что было, то сплыло.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — поддержал Шляпа.

(Алиса сидела тише воды, ниже травы, хотя, говоря по совести, она могла бы Шляпе кое о чём напомнить!)

— Так вот, — наконец возобновила свой рассказ Соня, — они таскали мармалад оттуда...

— Откуда взялся мармалад? — начала было Алиса, забыв о своём торжественном обещании, и тут же осеклась. Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармаладный колодец, — объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка, — прервал её Шляпа. — Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул; Соня села на его место, Заяц — на место Сони, а Алиса — без особой охоты — пересела на стул Заяца. От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю, — очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса, — как же они таскали оттуда мармалад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду, — сказал Шляпа, — а из мармаладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармалад. Ты что — совсем дурочка?

— Я говорю, как они могли таскать мармалад оттуда? Ведь они там жили, — сказала Алиса, решив оставить без ответа последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня. — Они жили-были!

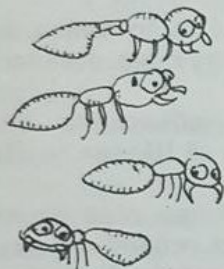
И этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно терла глаза.

— Так вот, — продолжала Соня, — этот самый мармалад они ели или пили — делали что хотели...

Тут Алиса не выдержала.

Совершенно ясно, что Сônia имела в виду не мурашек, а мурашки! А художник нарисовал именно мурашки! Правда, настоящие мурашки тоже бегают по спине, но их ОЧЕНЬ трудно нарисовать!

— Как же это они пили мармелад?! — закричала она. — Этого не может быть!

— А кто сказал, что они его пили? — спросила Сônia.

— Как кто? Вы сами сказали.

— Я сказала — они его ели! — ответила Сônia. — Ели и лепили! Лепили из него всё, что хотели, — всё, что начинается на букву М, — продолжала она, позёывая — её сильно клонило ко сну.

— Почему на букву М? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М», — мелькнуло у неё в голове.

Сônia к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать; но Шляпа снова ущипнул её, и она с лёгким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— На букву М: мышеловки, и морковки, и мартышки, и мальчишки, и мораль, и даже мурашки... Ты видела мурашки, хотя бы на картинках?

— Кажется, да, — начала Алиса неуверенно, — хотя не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай, — перебил её Шляпа.

Алиса вытерпела за этот день немало грубостей, но это было уже слишком!

Возмущённая до предела, она, не говоря ни слова, встала и гордо удалилась.

На хозяев её уход не произвёл, увь, особого впечатления. Сônia немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать её вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Сônia в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторяла Алиса, пробираясь между деревьями. — Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила!

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и эта дверь открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса. — А если войти — наверно, будет ещё интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла — и тут же оказалась в знакомом подземе, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверь в сад.

Потом она достала ТОТ кусочек гриба (у неё сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала как раз такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она, наконец, оказалась в чудесном саду, среди ярких, весёлых цветов и прохладных фонтанов.

У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нём были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.

— Эй, ты, Шестёрка, осторожнее! Ты меня опять всего краской облил! — услышала она ещё издали.

— А что я сделаю, — мрачно отвечал Шестёрка, — меня вон Семёрка под руку толкает!

Семёрка покосился на него и сказал:

— Молодец ты у нас! Правильно делаешь! Всегда вали с большой головы на здоровую!

— Насчёт головы ты бы лучше помалкивал, — сказал Шестёрка. — Я сам слышал, Королева вчера говорила — по твоей голове давно топор плачет!

— А за что? — спросил первый садовник, тот, который начал разговор.

— Тебе-то, Двóйка, какое дело? — сказал Семёрка. — Тебя уж это никак не касается!

— Нет, это всех касается, — сказал Шестёрка. — Зачем правду скрывать? Не ты, что ли, принёс на господскую кухню хрен вместо редьки?

Семёрка бросил свою кисть на землю и только было начал:

— Ну, знаешь, слышал я нараслину, но такой... — как вдруг его взгляд упал на Алису, которая стояла рядом и внимательно слушала.

Он тут же замолчал, остальные тоже оглянулись на неё, и вся троица низко поклонилась.

— Скажите, пожалуйста, — несмело начала Алиса, — а почему вы красите эти розы?

Шестёрка с Семёркой переглянулись и, как по команде, посмотрели на Двóйку.

— Тут, барышня, такая история вышла, — понизив голос, начал Двóйка. — Велено нам было посадить розы, полагаются тут у нас красные, а мы, значит, маху дали — белые выросли. Понятное дело, если про то её величество проведают — пропади, значит, наши головушки. Вот мы, это, и стараемся, значит, грех прикрывать, пока она не пришла, а то...

В это время Шестёрка, то и дело тревожно озирающийся, закричал:

— Королева! Королева!

И все трое пали ниц, то есть повалились на землю лицом вниз.

Послышался мёрный топот большбй процессии, и Алиса тóже оглянóлась — ей, конечно, ужáсно захотéлось поглядéть на Королéву.

Вскóре шéствие показáлось. Впередí по́ двое марширо- вáли дéсять солдáт с пиками; все онí бýли óчень похóжи на садóвников — такие же плóские и прямоугóльные, рúки и нóги у них росли по углám. За ними, тóже пáрами, шли придвóр- ные в пýшных одеяниях; среди них бýло, видно, немáло Ту- зóв, бýли и Шуты с бубéнчиками, но все выступáли прямо- таки кóзырем; за ними вприпрыжку бежáли, резвясь (но тóже попарно), малютки Принцы и Принцэссы, в костюмах, расшý- тых зóлотом; дáлее пáрами слéдовали гóсти — всё бóльше Короли́ и Дáмы рáзных мастéй. Алиса узнала среди гостéй Бéлого Крóлика, хотя́ егó бýло трóдно знáть: он улыбáлся всем и кáждому, суетíлся и чтó-то без úмолку таратóрил; Алису он не замéтил. Дáлее шёл Червóнный Валёт — он нёс на áлой бáрхатной подушке королéвскую корóну, — и, на- ко́нец, замыкáли э́то грандиóзное шéствие ЧЕРВО́ННЫЙ КО- РОЛЬ и ЧЕРВО́ННАЯ ДАМА, то есть КОРОЛЕВА.

У Алисы возникли нéкоторые сомнéния: не нýжно ли и ей, по примéру садóвников, пасть ниц; но чтó-то никакíх таких п ráвил поведéния во врéмя шéствий вспóмнить она́ не моглá.

«Да и вообщé-то, — подумала она́, — кому́ тогда́ бóдут нужнý шéствия, е́сли все кругóм бóдут лежáть лицóм вниз и ничегó не увидят?»

И она́ решíла прóсто постоя́ть на мéсте.

Когдá процессия поравня́лась с ней, все вдруг остано- вились и с любопытством поглядéли на Алису.

— Кто такая́? — сердíто спросила́ Королéва у Червóнного Валёта.

Валёт вмéсто отвéта поклонился́ и улыбнулся́.

— Болвáн! — брóсила Королéва, нетерпеливо́ тряхну́в го- ловой. — Твоё́ имя, дéвочка? — обратíлась она́ к Алисе.

— Алиса, с позволéния вáшего величества! — весьма́ учтíво отвечáла Алиса, а про себя́ сказа́ла: «Подумаешь! Ка- кая-то кáрточная́ королéва! Нéчего её́ бо́яться!»

— А э́то кто такие́? — спросила́ Королéва, подборóдком указáв на трёх садóвников, котóрые всё так и валялись под кустóм. Ведь, как вы пómните, онí лежáли лицевой́ сторонёй

вниз, а рисунок рубашки был у них один и тот же — как и у всей колоды, — и, значит, Королева не могла сейчас их отличить от придворных Тузов, ни даже от своих собственных детей — Принцев и Принцесс.

— Откуда я знаю! — в тон Королеве ответила Алиса, в душе удивляясь собственной отваге. — Это не моё дело!

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она, не в силах выговорить ни слова, только бросала на Алису испепеляющие взгляды, а потом завизжала во всё горло:

— Отрубить ей голову! Отрубить ей!..

— Глупости! — очень громко и решительно ответила Алиса, и Королева прикусила язычок.

Король робко взял её за руку и сказал:

— Одумайся, дорогая, — это ведь маленькая девочка!

Королева с раздражением отвернулась от него.

— Перевернуть их! — приказала она Валету.

Валет осторожно, носком ног, перевернул лежавших.

— Встать! — пронзительным голосом приказала Королева.

Садовники немедленно вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, Принцам, Принцессам — вообще всем и каждому.

— Прекратить поклоны! — завизжала Королева. — У меня голова кружится!

Тут её взгляд упал на розовый куст.

— Ответьте: что вы тут делали? — спросила она.

— С дозволения вашего величества, — начал Двойка смиренно, опустившись на колени, — мы, значит, старались...

— Ясно! — закричала Королева, которая в это время внимательно рассматривала розы. — Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трёх солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

Злосчастные садовники кинулись, умоляя о спасении, к кому бы вы думали? Да, да, именно к Алисе!

— Никто вас не тронет! — сказала Алиса. Она легко подняла всех троих и посадила их в большую цветочную вазу, стоявшую поблизости.

Солдаты искали, искали обречённых и, никого не обнаружив, преспокойно вернулись на своё место в первых рядах процессии.

— Покончили с ними? — крикнула солдатам Королева.

— Так точно! И следá не осталось, ваше величество! — как один человек, гаркнули brave солдаты.

— Молодцы! — крикнула Королева. — В крокет играть умеем?

Так как солдаты молчали и дружно уставились на Алису, вопрос её величества, видимо, относился к ней.

— Умеем! — откликнулась Алиса.

— Тогда пошли! — рявкнула Королева.

И Алиса тоже присоединилась к шествию и, шагая среди гостей, с большим интересом ожидала развития событий.

— Чудесный... чудесный денёк сегодня, не правда ли? — произнёс чей-то робкий голосок.

Алиса обернулась — рядом с ней трусил Белый Кролик, заискивая заглядывая ей в лицо.

— Очень чудесный! — согласилась Алиса. — А где же Герцогиня?

— Тсс! Тсс! — зашикал на неё Кролик.

Он испуганно, тревожно оглянулся кругом, а потом, поднявшись на цыпочки, прошептал ей в самое ухо:

— Приговорена к смертной казни!

— Как так? — удивилась Алиса.

— Вы сказали «как жаль»? — испуганно переспросил Кролик.

— Да нет, — сказала Алиса, — особенно жалеть не о чем. Я хотела сказать — за что?

— Она дала Королеве по уху... — начал Кролик.

Алиса так и прыснула.

— Тйше! — снова опасно шикнул на неё Кролик. — Королева может услышать! Понимаете, она опоздала, а Королева сказала...

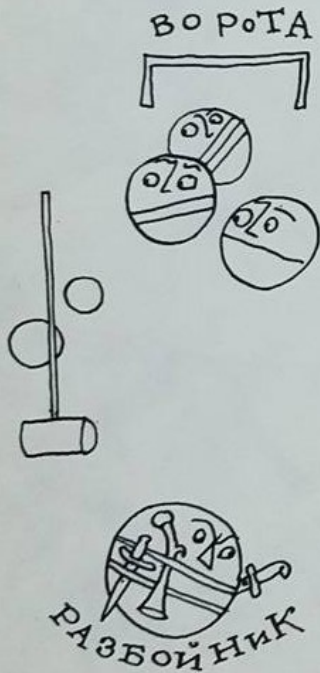
— По местам! — раздался громовой голос Королевы, и все начали как безумные носиться взад и вперёд, поминутно натываясь друг на друга и кувываясь.

Если вам не приходилось играть в крокет, мне вас жаль. Это очень, очень веселая летняя игра! Мне особенно нравится, что можно просто выиграть, а можно стать разбойником и сбивать чужие шары с позиций. Кому очень захочется узнать, как по-настоящему играют в крокет, пусть напишет в журнал «Пионер» и попросит напечатать правила этой игры.

Тем не менее не прошло и пяти минут, как все оказались на своих местах, и игра началась.

«Ну и ну, — подумала Алиса вскорее, — они как-то странно играют тут в крокет!»

Действительно, площадка была вся в буграх и рытвинах, кочках и ямках, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго, а солдаты, встав на четвереньки и изогнувшись дугой, выполняли обязанности крокетных ворот.

Алисе всего труднее давалось искусство управляться со своим фламинго; ей, правда, удалось довольно удобно взять птицу под мышку, так, чтобы длинные ноги не мешали, но, едва она успевала аккуратно выпрямить фламинго шею и собиралась стукнуть его носом в шар (то бишь ёжика), как он обязательно оборачивался и заглядывал ей в глаза с таким забавным удивлением, что ей ничего не оставалось, как покатиться со смеху.

С большим трудом она умудрилась заставить фламинго снова опустить голову, но тут оказывалось, что ёжик уже развернулся и удрал; это было уж вот до чего обидно!

Мало того, обычно как раз там, куда она собиралась направить ежа, был на дороге бугор или ямка. И сверх всего этого солдаты, слу-

жившие воротами, то и дело поднимались и разгваливали по площадке, чтобы поразмяться.

Словом, можно согласиться с Алисой: играть в крокет здесь было трудно! —

Игроки били по шарам все сразу, никто не соблюдал очереди хода, зато все непрерывно скандалили и спорили, а то и прямо дрались из-за ежей; игра только началась, а Королева была уже в безумной ярости и вопила «Отрубить ему голову!» (или «Отрубить ей голову!») ежеминутно, а то и чаще.

Алиса порядком струхнула; правда, пока что она ни разу не навлекла на себя гнева её величества, но была уверена, что взрыв не заставит себя долго ждать.

«А что же тогда со мной будет? — думала она. — Ведь это ужас как они тут любят рубить людям головы; прямо чудо, что кто-то ещё в живых остался!»

Она начала подумывать, как бы незаметно улизнуть подбру-поздорову. И, озираясь, она вдруг заметила в воздухе какое-то странное явление. Сначала Алиса никак не могла понять, что это такое, но, понаблюдав некоторое время, догадалась, что это — просто улыбка.

«Ура! — подумала она. — Это Чеширский Кот; теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как успехи? — спросил Чеширский Кот, как только рот его достаточно проявился, чтобы говорить.

Алиса обождала, пока появятся глаза, и тогда молча кивнула.

«Говорить с ним ещё рано, — думала она, — надо подождать ушей. Или хоть одного уха».

Не прошло и минуты, как голова появилась целиком; Алиса поставила своего фламинго на землю и, очень довольная, что наконец нашла слушателя, приступила к отчёту о ходе игры.

Кот, по-видимому, решил, что проявил себя достаточно, и на этом остановился; остальные его части так и не появились.

— По-моему, они вообще неправильно играют, — начала Алиса жалобным тоном, — и они все так жутко ссорятся,

«И кошка может посмотре́ть на короля́» — это прѣсто английская поговѣрка. Почему́ Али́са говорит, что читала об этом в одной кни́жке, я никак не могу́ понять. Про эту кошку и про то, как она смотре́ла на короля́, правда, написано в кни́ге про Мэри Поппинс, но Али́са уж никак не могла́ её чита́ть!

что сам себя не слы́шишь; и онѣ, навѣрное, никакихъ прѣвѣил не зна́ют, а е́сли и зна́ют, то не выполня́ют! И вы себе́ не представля́ете, как ужасно неудобно игра́ть, когда все онѣ живы́е! Напримѣр, я должна́ была́ пройти́ э́ти воро́та, а онѣ уже́ вон где — ви́дите? — на том конце́ площа́дки! А вот сейча́с я могла́ крокирова́ть королеви́ного е́жика, а он взял да и убежа́л от моего́ ежа́...

— Как тебе́ нра́вится Короле́ва? — пони́зив го́лос, спроси́л Кот.

— Ника́к не нра́вится! — сказа́ла Али́са. — Она́ так ужасно... — Тут она́ заме́тила, что Короле́ва стои́т за её спи́ной и внима́тельно прислу́шивается, и продолжа́ла так: — ... Си́льно игра́ет, что прѣмо хоть сра́зу сдава́йся!

Короле́ва ми́лостиво улы́бнулась и прошла́ мимо.

— С кем ты говори́шь, де́вочка? — спроси́л Король. Он незаме́тно подоше́л к Али́се и разгля́дывал Кота́ с большо́м интере́сом.

— Э́то мой друг, Че́ширский Кот, — сказа́ла Али́са, — разре́шите вас познако́мить.

— У него́ нерасполага́ющая вѣнешность, — сказа́л Король. — Впрѣчем, он мо́жет поцелова́ть мне ру́ку, е́сли хо́чет.

— Спаси́бо, обойду́сь, — сказа́л Че́ширский Кот.

— Не говори́ дерзосте́й, — ска-

за́л Король. — И не смотри́ на меня́ так! — закрича́л он и спря́тался за спи́ну Али́сы.

— А ко́шкам разре́шается смотре́ть на короле́й, — сказа́ла Али́са. — Я чита́ла об э́том в одной кни́жке, то́лько не по́мню в какой.

— Все́ равно́ э́того на́до убра́ть! — сказа́л Король с глубо́ким убежде́нием и закрича́л проходивше́й неподале́ку Короле́ве:

— Дорога́я, я проси́л бы, что́бы ты приказа́ла убра́ть э́того Кота́.

Короле́ва зна́ла то́лько одинъ спо́соб разре́шения всех про́блем, большо́х и ма́лых.

— Отруби́ть ему́ го́лову! — крикну́ла она́, да́же не оберну́вшись.

— Я ли́чно сбѣгаю́ за Палачо́м! — неме́ленно откли́кнулся Король и помча́лся со всех но́г.

Али́са все́-таки реши́ла верну́ться и посмотре́ть, как и́дет игра́. До неё ещё́ издали́ донёсся го́лос, верне́е, вопль́ разъя́ренной Короле́вы. Короле́ва прика́зывала казни́ть трёх игра́ющих сра́зу за то, что онѣ пропу́стили свой ход, и Али́се э́то кра́йне не понра́вилось, потому́ что игра́ так запута́лась, что сама́ Али́са давно́ не имела́ ника́кого поня́тия о том, когда́ её ход. Она́ поскорее́ отпра́вилась на по́иски своего́ е́жика и разыска́ла его́, как раз когда́ он вступи́л в сраже́ние с ка́ким-то друго́м ежомъ. Али́са обра́довалась: перед ней была́ блестя́щая возмо́жность крокирова́ть хоть одно́го ежа́! Увы́, оказа́лось, что её фла́мिंगо, как назло́, улету́чился. Али́са с трудо́м нашла́ его́ в друго́м конце́ са́да, где он неуклю́же пыта́лся взлетѣ́ть на дере́во. Когда́ же она́ в конце́ концов излови́ла его́ и притащи́ла на ме́сто, сраже́ние уже́ окончи́лось и оба́ его́ уча́стника скры́лись...

— Ну ла́дно, не беда́, — утѣшила себя́ Али́са, — все́ равно́ и воро́та все поразбе́жались!

Она́ устрои́ла фла́мिंगо у себя́ под мышко́й поудобнее, что́бы он о́пять не удрал, и отпра́вилась продолжа́ть бесе́ду со своимъ прия́телем — Кото́м.

К её удивле́нию, там собра́лась це́лая толпа́ наро́ду. Ме́ж-

ду Палачом, Королём и Королевой шёл жёркий спор: все трое говорили одновременно и все трое очень громко; зато все остальные уныло молчали.

Едва показалась Алиса, как трое спорщиков бросились к ней и потребовали, чтобы она рассудила их спор. Они друж-

но принялись повторять ей свои доводы, но, так как они по-прежнему говорили все сразу, ей было нелегко понять, кто что утверждает.

Кажется, Палач утверждал, что нельзя отрубить голову, если не имеется тела, от которого её можно отрубить, что он

никогда такими вещами не занимался и на старости лет заниматься не собирается!

Король утверждал, что лишь бы была голова, а отрубить её можно, и нечего болтать чепуху!

А Королева утверждала, что, если всё не будет исполнено сию секунду и даже значительно раньше, она велит отрубить головы всем без исключения!

(Именно это последнее заявление и привело всех присутствующих в такое похоронное настроение.)

— Ведь он герцогинин, — сказала Алиса, — вы бы лучше спросили у неё!

Это было всё, что она смогла придумать.

— Она в тюрьме, — сказала Королева Палачу. — Достать её сюда!

И Палач полетел стрелой.

Но в ту же минуту голова Кота начала бледнеть и таять, а к тому времени, как Палач возвратился с Герцогиней, исчезла совсем.

Король и Палач как угорелые кинулись искать Кота, а все остальные возобновили игру.

Глава
девятая,
в которой

— Ах ты, моя душечка-дорогущечка, ты себе не представляешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня с чувством. Она нежно взяла Алису под руку, отвела её в сторонку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была тоже очень рада — рада видеть Герцогиню в таком милом настроении; она подумала, что, наверное, это от перца в кухне та была такая злющая.

Хотя Алиса не говорит, кого все так любят — детей или конфеты, но мне кажется, что она-то всё-таки больше любит конфеты. «Ворчать на них из-за них» — не очень удачное выражение, но зато чувствуется, что Алиса очень увлеклась любимым предметом!

— Когда я стану Герцогиней, — сказала она себе (правда, без особой уверенности), — у меня на кухне вообще не будет перцу! Зачем он нужен? Суп и так можно есть! Ой, вообще, наверно, это от перцу люди делаются вспылчивые, — продолжала она, очень довольная, что сама обнаружила вроде как новый закон природы, — а от уксуса делаются кислые... а от хрена — сердитые... а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся ну прямо прелесть! Потому их все так и любят! Вот хорошо бы все это узнали, тогда бы не ворчали на них из-за них, а наоборот, сами...

К этому времени она совершенно позабыла про Герцогиню и даже слегка вздрогнула, услышав её голос над самым ухом:

— Ты о чём-то задумалась, дорогая, и позабыла, что нужно поддерживать беседу. А какая отсюда мораль, я сейчас не могу тебе сказать, но скоро вспомню.

— А может быть, никакая, — отважилась сказать Алиса.

— Что ты, что ты, деточка, — сказала Герцогиня, — во всём есть мораль, только надо уметь её найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе ещё теснее.

Это Алисе не особенно понравилось — во-первых, потому, что Герцогиня была уж чересчур некраси-

вая, а во-вторых, она была как раз такого роста, что подбородок её пришёлся Алисе на плечо, а подбородочек у Герцогини был нестерпимо острый.

Но Алиса не хотела быть грубой и потому смолчала.

— Игрá как будто повеселей пошла, — немного погодя заметила она просто так, чтобы немного подержать разговор.

— Верно, моя дүшечка! — сказала Герцогиня. — А отсюда мораль: «И вот на чём вёртится свет!»

— Недавно кто-то говорил, — шепнула Алиса, — свет вёртится от того, что некоторые люди не суят нос в чужие дела.

Герцогиня услышала, но несколько не смутилась.

— Ах, дүшечка, — сказала она, — это одно и то же. — И она добавила, поглубже вонзив свой подбородочек в Алисино плечо: — Отсюда мораль: «Не смейши языком, смейши делом!»

«Почему это некоторые так любят всюду искать мораль?» — подумала Алиса.

— А я знаю, о чём ты, дүшечка, задумалась! — сказала Герцогиня. — Ты задумалась о том — а почему я тебя не обнимаю? Угадала? Но дело в том, что мне внушает сомнение характер твоего фламинго. Или рискнуть, как ты думаешь?

— Он ведь может ущипнуть! —

Герцогиня немного ошиблась: по-настоящему эта посылка звучит так: «Не смейши языком, смейши делом!»

Автор тоже немного ошибся — с его стороны неосторожно помещать тут такие послания!

предостерегающе сказала Алиса, совершенно незаинтересованная в том, чтобы Герцогиня так рисковала.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня. — Фламинго щиплются не хуже горчицы. Отсюда мораль: «Видно птицу по полёту»... Ну, и так далее.

— А горчица-то не птица! — сказала Алиса.

— Ты права, как всегда! — сказала Герцогиня. — И как ты, душечка, во всём так хорошо разбираешься!

— Горчица — это, кажется, минерал, — продолжала размышлять вслух Алиса.

— Вот именно, минерал! — подхватила Герцогиня. Она, по-видимому, готова была согласиться со всем, что бы Алиса ни сказала. — Тут неподалёку что-то минировали горчичными минами, совсем на днях. А отсюда мораль: «Чем бы быть — того не миновать!»

— Ой, вспомнила! — закричала Алиса (последние слова Герцогини её миновали). — Это фрукт! Она по виду не похожа, но она — фрукт!

— И ещё какой фрукт! — радостно согласилась Герцогиня. — А отсюда мораль: «Будь таким, каким хочешь казаться», или, если хочешь, ещё проще: «Ни в каком случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем как тебе представляется, ты являешься или можешь являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в каком случае не желал бы ни являться, ни представляться».

— Наверно, я бы лучше поняла, — сказала Алиса чрезвычайно учтиво, — если бы это было написано на бумажке, а так я как-то не уследила за вами.

— Это ещё пустяки по сравнению с тем, что я могу сказать, если захочу! — сказала Герцогиня, явно очень довольная собой.

— Спасибо, не надо, не надо, — сказала Алиса, — не беспокойтесь, пожалуйста!

— Какое тут беспокойство, душечка! — сказала Герцогиня. — Я только рада, что могу сделать тебе маленький подарок, — всё, что я могу сказать!

«Хорошенький подарок, большое спасибо! — подумала Алиса. — Хорошо, что на рождение таких не приносят!»
Но вслух она этого, естественно, не произнесла.

— Мы опять задумались? — сладким голоском спросила Герцогиня, ещё глубже вонзив свой подбородочек в плечо Алисы.

— Разве мне запрещено думать? — ответила Алиса, пожалуй, резковато. Правда, её терпение было уже на исходе.

— Нет, дүшечка, — сказала Герцогиня, — и поросяткам не запрещено летать, а мор...

Тут, к большому удивлению Алисы, голос Герцогини замер — замер посредине её любимого слова, и рука, вцепившаяся в руку Алисы, задрожала.

Прямо перед ними, скрестив руки на груди, стояла Черво́нная Королева, хмурая и злобешая, как грозováя туча.

— Прекрасный денёк, ваше величество, — начала было Герцогиня еле слышным голосом.

— По добротё своей всемилостивейше предупреждаю, — крикнула Королева, топнув ногой, — или тебя, или твоёй головы здесь не будет — и не сию минуту, а в сто раз быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и исчезла, причём точно в назначенное время.

— Вернёмся к игре! — сказала Королева Алисе.

Алиса была так напугана, что не произнесла ни слова и молча поплелась за Королевой на крокетную площадку.

Остальные игроки, воспользовавшись отсутствием её величества, расположились на отдых в тени, но едва она показалась, как они немедленно возобновили игру. Промедление было смерти подобно — Королева мимоходом заметила, что кто хоть чуточку опоздает, будет казнён без опоздания.

Игра пошла по-прежнему: Королева не переставала со всеми спорить, скандалить и кричать: «Отрубить (соответственно, ему или ей) голову!»

Солдаты брали под стражу приговорённых; разумеется, для этого им приходилось покидать свой посты, и в результате не прошло и получаса, как ворот вообще не осталось, а все, кто пришёл повеселиться, были арестованы и ожидали казни.

Тут Королева наконец решила передохнуть (она порядком запыхалась) и сказала Алисе:

— Уже видела Рыбного Деликатеса?

— Нет, — ответила Алиса. — Даже не слышала про такого!

— Из него готовят рыбацкую уху и многое другое, — объяснила Королева.

— Очень интересно, — сказала Алиса.

— Тогда идём, — приказала Королева, — он сам всё расскажет.

Уходя, Алиса успела услышать, как Король тихонько сказал, обращаясь ко всему обществу сразу:

— Вы помилованы.

«Ну вот, это совсем другое дело!» — радостно подумала она. Все эти бесчисленные смертные приговоры сильно её огорчали.

Вскоре они с Королевой наткнулись на Грифона, крепко спавшего на самом солнцепёке.

(Если вы не знаете, кто такой Грифон, поглядите на картинку на странице сто восемнадцатой.)

— Вставай, ленивая тварь, — сказала Королева, — и отведай юную леди к Деликатесу! Пусть он ей расскажет свою историю. А мне надо вернуться и присмотреть за домашними делами. Я там распорядилась кое-кого казнить.

Она ушла, и Алиса осталась наедине с Грифоном.

Хотя наружность чудища не слишком пришлась Алисе по душе, она подумала, что его общество ничуть не опаснее, чем общество кровожадной Королевы. И она решила подождать.

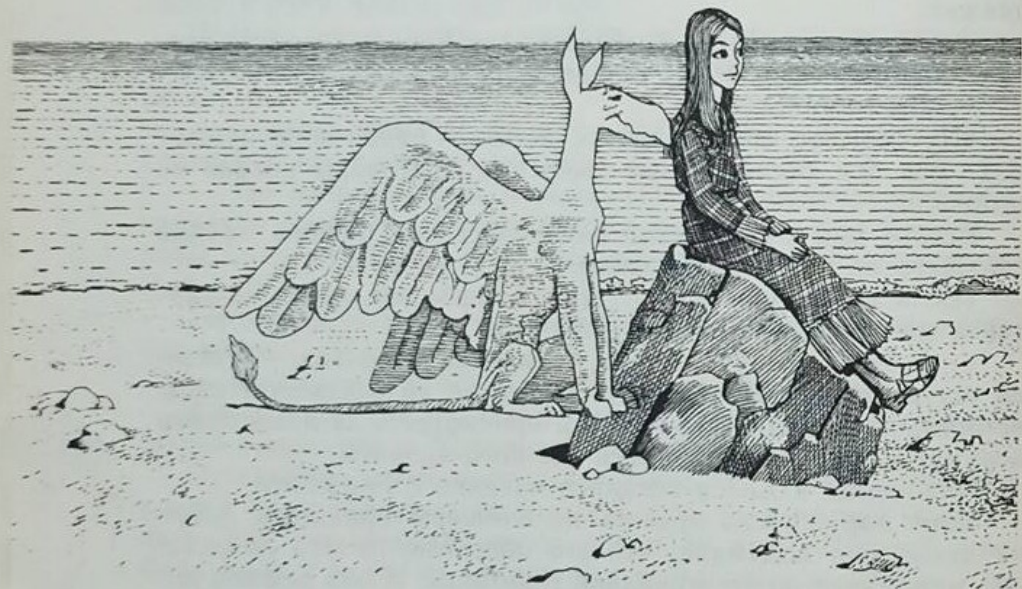
Грифон приподнялся, сел и протёр глаза; он долго смотрел вслед Королеве, а когда она окончательно скрылась из виду, фыркнул.

— Комедия! — сказал он, то ли про себя, то ли обращаясь к Алисе.

— Где комедия? — спросила Алиса.

— Да вон пошла! — сказал Грифон. — Всё ведь одна комедия! У нас тут никто никого не казнит, не волнуется. Пошли!

«Только и слышишь: «Пошли! Пошли!» — думала Алиса, неохотно следуя за Грифоном. — Все кому не лень командуют! Прямо загоняли меня тут».

Они прошли совсем немного, и вот уже в отдалении показались поникшая фигура Деликатеса. Он в грустном

одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы, и далеко разносились его душераздирающие стенания и вздохи.

Алисе стало его ужасно жалко.

— У него какое-то большое горе? — спросила она Грифона. — Кто его обидел?

Грифон отвечал ей почти теми же самыми словами, что и раньше:

— Какое там горе! Одна комедия! Никто его не обидит, не волнуется! Пошли!

И они подошли к Деликатесу, который только посмотрел на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Слушай, старик, — сказал Грифон, — тут вот молодая леди хочет узнать твою историю. До зарезу.

— Я всё поведаю, не тай, — сказал Деликатес протяжно и уныло. — Садитесь оба и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ.

Гости сели, и несколько минут никто не произносил ни слова.

«Не понимаю, как он может когда-нибудь окончить, раз он и не собирается начинать», — успела подумать Алиса, но продолжала терпеливо ждать.

— Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом, — настоящей...

За сим последовало долгое-долгое молчание — его нарушали лишь редкие восклицания Грифона (приблизительно: «Гжхррх!»), а также беспрерывные вздохи и стоны Деликатеса.

Алиса уже не раз хотела встать и сказать: «Большое спасибо за ваш интересный рассказ», но она всё-таки немножко надеялась, что продолжение следует, и крепилась: сидела смиренно и молчала.

— Когда мы были маленькими, — заговорил Деликатес менее патетическим тоном (хотя время от времени возвращался к прежним стенаниям), — мы ходили в школу в море. Учителем был сущий Змей Морской. В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном.

— А почему же вы его так называли, раз он был Удав, а не Питон? — заинтересовалась Алиса.

— Он был Питон! Ведь мы — его питонцы! — с негодованием ответил Деликатес. — Боюсь, дитя, ты умственно отстала!

— Стыдно, лапочка, не понимать таких простых вещей! — подлил масла в огонь Грифон, и оба чудища молча усталились на бедную Алису, которой хотелось только одного: поскорее ещё раз провалиться сквозь землю.

Наконец Грифон сказал Деликатесу:

— Ну ладно, старик, давай! Поехали! Нельзя же весь день толочь воду в ступе.

И Деликатес продолжал:

— Да, посещали мы морскую школу... хоть, кажется, ты этому не веришь...

— Я не говорила «не верю!» — перебила Алиса.

— А вот и сказала! — сказал Деликатес.

— Помолчала бы лучше, барышня, — добавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать, что нехорошо придирается к словам.

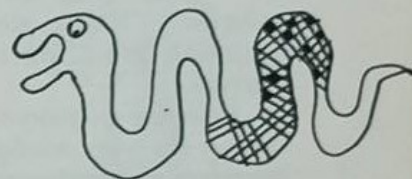
— Уж у нас школа была — первый сорт! — продолжал Деликатес. — Ты, может, и этому не поверишь, но даю честное слово: у нас занятия были каждый день!

— Я, если хотите знать, тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса. — Что тут особенного? Нечего так уж хвалиться!

Деликатес встревожился.

— Каждый день? — повторил он в раздумье. — Да-а, интересно, на каком же уровне твоя школа?

Между прочим, питон и удав — это одно и то же. Алиса это знать не обязана, а вам — не мешает. Слово «питонцы», по-моему, эти чудища выдумали сами, так что нечего было им так уж стыдиться Алисы!

— Простите, я не понимаю, — сказала Алиса, — что значит на каком уровне?

— На каком уровне она стоит! — пояснил Деликатес. — Ну от поверхности моря, поняла?

— Там моря нет, — сообщила Алиса. — Она стоит в городе. Но я думаю, всё-таки выше моря, конечно, над водой!

— Выше? *Над* водой? — переспросил Деликатес. — Ты серьёзно?

Алиса молча кивнула.

— Ну, тогда это не серьёзно! — с облегчением сказал Деликатес. — Какое же тогда может быть сравнение с нашей школой? Это... это верхоглядство, а не образование, вот что это такое.

Грифон фыркнул.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он. — У нас мальков — и тех учат гораздо глубже! А уж кто хочет по-настоящему углубиться в науку, тот должен добраться до самого дна! Вот это и называется Законченное Низшее Образование! Но, конечно, — покачал он головой, — это не каждому дано!..

— Мне вот так и не удалось по-настоящему углупиться! Не хватило меня на это, — сказал Деликатес со вздохом. — Так я и остался при высшем образовании!..

— А что же вы учили? — спросила Алиса.

Деликатес неожиданно оживился.

— Кучу всяких наук! — начал он. — Ну, первым делом, конечно, учились Чихать и Пихать. Потом арифметика, вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение.

— Почитание — понимаю, Уважение — понимаю, Давление — понимаю, а вот «Искажение»? Что это такое? — сказала Алиса.

Грифон с деланным удивлением всплеснул лапами.

— Не знаешь «искажения»? И чему вас там только учат! — ужаснулся он. — Ну, хоть такое простое слово «реставрировать» слыжала?

— Ну как же, — не слишком уверенно начала Алиса. — Это... это... по-моему, это — делать, как было раньше.

— Вот именно! А уж если ты после этого не понимаешь, что такое «искажение», — значит, ты девица-тупица! — победоносно объявил Грифон, после чего Алисе совершенно расхотелось задавать вопросы на эту тему. Она вновь переключилась на Деликатеса.

— А какие у вас ещё были предметы? — спросила она.

— Ну конечно, Истерия, — отвечал Деликатес, загибая лучи на своих плавниках. — Истерия, древняя и новейшая, с Биографией. Потом... раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит Рисковать Угрем и прочей мурё — ну, там, Живопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

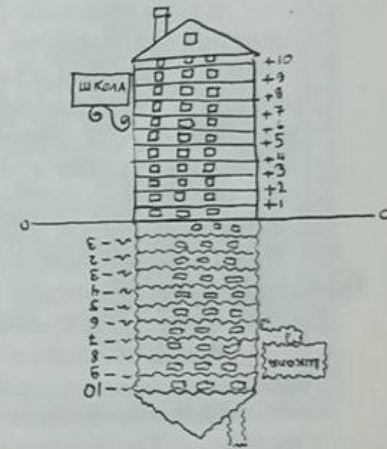
— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как, — сказал Деликатес, — старею, суставы не гнутся. А Грифон этого не проходил, кажется.

— Времени не хватило, — сказал Грифон. — Я увлеклся Литературой, изучал классиков. Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук, ничего не скажешь!

— Ну как же! Я его не слушал, и то он мне все уши прожужжал! — со вздохом сказал Деликатес. — Древний Грим, Древняя Грация, эта — Или Ада, Или Рая, или как её там звали... Смех — и Грехеский язык, Нимфология и так далее... Всё — от Арфы до Онэги!

Судя по названиям всех этих наук, не только Грифону, но и Деликатесу всё-таки удалось довольно основательно углупиться. Наверно, поэтому они и закрыли лица лапами: им стало стыдно.

— Да, было время, было время! — в свою очередь, вздыхая, подтвердил Грифён, и оба чудища умолкли и закрыли лица лапами.

— А сколько у вас в день было уроков? — спросила Алиса: ей хотелось поскорее отвлечь собеседников от печальных мыслей.

— Как обычно: в первый день десять уроков, — сказал Деликатёс, — на следующий — девять, потом восемь и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса, быть может не без зависти.

— А с нашими учителями иначе не получалось, — сказал Грифён. — Текущий состав: каждый день кто-нибудь пропадал. Поэтому их и называют пропадаватели, кстати.

Алиса слушала его краем уха: её весьма заинтересовала сама мысль о том, чтобы каждый день заниматься на час меньше.

— Так выходит, на одиннадцатый день у вас уже были каникулы? — спросила она, закончив подсчёты.

— Самó собой! — ответил Деликатёс.

— А как же потом? — с ещё большим интересом спросила Алиса.

— Вот что: хватит уже про науки! — решительно прервал Грифён. — Ты расскажи ей, старик, как мы в наше время веселились.

**Глава
десятая,
в которой**

Деликатёс глубоко вздохнул и смахнул плавником слезу.

Обернувшись к Алисе, он попытался заговорить, но голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две.

— Похоже, что ему кость не в то горло попала, — дело-

віто предположил Грифѳн и принялся трясти своего друга и похлопывать его по спине.

Наконец Деликатес кое-как справился с собой и, хотя слёзы по-прежнему струились по его щекам, заговорил:

— Быть может, вы никогда не живали подолгу на морской глубине...

— Не жила, — встала Алиса.

— ... и, быть может, вы никогда не встречались с Морскими Раками — например, с Омарами...

Алиса было начала:

— Я один раз попробовал... — но тут же осеклась и поправилась: — Нет, никогда!

— ... так что вы и представить себе не можете всю прелесть Раковой Кадрили.

— Даже не слыхала! — сказала Алиса. — А что же это за танец?

— Слушай меня! — сказал Грифѳн. — Сначала вы выстраиваетесь в линию на пляже, у самого прибоя...

— Да что ты говоришь, любезный друг! — перебил Деликатес. — В две линии! — всхлипнул он. — Ведь там черепахи, лососи, тюлени и мало ли кто ещё! Потом, предварительно расчистив в море приличную площадку от медуз...

— Это обычно отнимает порядочно времени, — вставил Грифѳн.

— ... делаете два шага вперёд — аванс! — продолжал Деликатес.

— За кавалеров у всех Морские Раки, чаще всего Омара! — крикнул Грифѳн.

— Это само собой понятно! — перехватил Деликатес. — Под руку с Омаром два шага вперёд — поворот к визави.

— Смёна кава... Омара — и два шага назад в прежнюю позицию! — не уступал Грифѳн.

— Ну, а затем, — опять начал Деликатес, — вы бросаете...

— ... Омара! — заводил Грифѳн, изо всех сил подпрыгнув.

— ... в море! Главное, как можно дальше! — пискнул Деликатес.

— Сами кидаетесь за ним в воду! — крикнул Грифѳн.

— Делаете в воде сальто-мортале! — ещё громче крикнул Деликатес и сам прошёлся колесом.

«Авансэ» — это значит «вперёд»: «визави» — это та пара в танце, которая напротив вас. Не знаю, зачем Деликатэс употребляет иностранные слова. Правда, это танцевальные термины.

И вообще оба они — и Грифён и Деликатэс — ведут себя неприлично. Разве можно так перебивать друг друга?

VISAVI

— Опять меняетесь партнё... Омарами! — во всю мочь завопил Грифён.

— Возвращаетесь на берег, и на этом первая фигура кончается, — неожиданно упавшим голосом закончил Деликатэс.

И оба чудака, которые только что прыгали и вопили как безумные, уселись и затишли, печально глядя на Алису.

— Наверно, это очень хорошенький танец, — нерешительно сказала Алиса.

— Тебе хочется самой на него посмотреть, да? — с надеждой в голосе спросил Деликатэс.

— Конечно, — вежливо сказала Алиса, — очень хочется.

— Ну что, любезный друг, покажем ей первую фигуру? — сказал Деликатэс Грифёну. — Обойдёмся и без Омаров, правда? Только вот кто подпоёт?

— Пой уж ты, — сказал Грифён. — Я слов не помню.

И два старых друга с важным и торжественным видом пустились в пляс вокруг Алисы, поминутно наступая ей на ноги и размахивая передними конечностями в такт мелодии, которую медленно и грустно пел Рыбный Деликатэс:

Барабанит в дверь Сардинка:

— Эй, Улита выходи!

Мы с тобой и так отстали —

Даже Раки вперёд!

Долго ждать тебя не буду —
Слышишь, мой Конёк заржал?
Он мне хвост ещё отдавит —
Так спешит на бал!
Ты-то что же? Ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

— Ты представь себе, Улитка,
Как шумит-звенит прибор,
Как тебя Морские Раки
Увлекают за собой! —
Но Улитка отвечала:
— Слишком уж далёкий путь!
Нет, спасибо! Я не выйду!
Я уж как-нибудь!
Вот уж нет уж! Вот уж нет уж!
Я уж как-нибудь!

— Что значит «слишком далёко»,
О чём тут рассуждать?
Где далёко от Лондона —
Париж рукой подать!
Уплыл от этих берегов —
Глядишь к другим попал!
Словом, хватит ныть, Улитка,
И пошли на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

— Спасибо, очень приятно было посмотреть на ваш интересный танец, — сказала Алиса (по правде говоря, ей всего приятнее было то, что танец наконец кончился). — А как мне понравилась эта забавная песенка про сардинок!

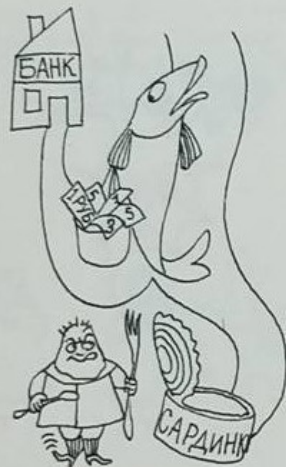
— Да, кстати о сардинках, — сказал Деликатэс, — они... ты их видела, конечно?

Конёк — это, конечно, морская конёк, очень забавная и милая рыбка. Умеют ли морские коньки ржать — это науке ещё неизвестно. Скорее всего, умеют.

Деликатес опять всё путает! При чём тут деньги, если сардинки в банке, — Алиса совершенно правильно рассказывает!

— Да, на тарé... — началá было Алиса, запну́лась и попра́вилась: — В ба́нке!

— В ба́нке? Стáнно, — удивился Деликатес, — в моё время у них, по́мнится, не водило́сь ли́шних де́нег! Хотя́ всё мо́жет быть, мно́го воды́ утекло́... Но е́сли ты их, как говори́шь, ча́сто ви́дела, то ты, ко́нечно, зна́ешь, как они́ вы́глядят?

— Ну да, — Алиса те́перь взвёшивала ка́ждое своё сло́во, — они́ все в ма́сле... И все почему́-то безго́ловые.

— Бою́сь, дитя́, насче́т ма́сла ты что́-то пу́таешь, — сказа́л Деликатес. — Сарди́нки наро́д чисто-плотный, по́том мо́ре, сама́ понима́ешь, како́е уж тут ма́сло... Но вот что они́ безго́ловые — это́ факт, а причи́на в том... — И тут Деликатес неожиданно зевну́л и закры́л глаза́. — Расскажи́ ей, любезный друг, про причи́ну и тому́ подобное, — сказа́л он Грифо́ну.

— Причи́на в том, — сказа́л Грифо́н, — что они́ уж бо́льно лю́бят танцевáть с Морскими Ра́ками. Ну, Ра́ки и увлека́ют их в мо́ре. Ну, они́ и увлека́ются. Ну, раз увлека́ются, зна́чит, теря́ют го́лову. Ну, а по́том не мо́гут её найт́и! Вот тебе́ и всё.

— Спаси́бо, — сказа́ла Алиса, — мне бы́ло о́чень интере́сно. Я нико́гда не слы́хала так мно́го про сарди́нок.

— Если тебя́ так интересу́ют сарди́нки, я могу́ ещё́ мно́го о них порассказа́ть, — сказа́л Грифо́н. — Ты, наприме́р, зна́ешь, почему́ они́ называ́ются «сарди́нки»?

— Нико́гда об это́м не задумы́валась, — сказа́ла Алиса. — А почему́?

— О́чень музыка́льны, вот почему́, — сказа́л Грифо́н весьма́ серьёзно.

Алиса́ ничего́ не понима́ла.

— Музыка́льны? — повторила она́ в изумле́нии.

— Ну да! — сказа́л Грифо́н. — Тебе́ ко́гда-нибу́дь приходи́лось игра́ть на скри́пке в ко́мнате, где лю́ди спят?

— Нико́гда! — уве́ренно сказа́ла Алиса. — Меня́ учат игра́ть то́лько на пиани́но, к сча́су... к сожа́лению, — доба́вила она́.

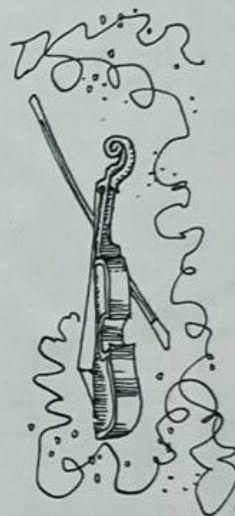
— И всё-таки́ запóмни, что́бы не дать ма́ху: в таких́ слу́чаях игра́ют всегда́ под сарди́нку.

— А не под сурди́нку? — спросила́ Алиса. — Кажется́, я слы́шала тако́е сло́во.

— Не зна́ю, что ты там слы́шала, но у нас игра́ют под сарди́нку! — внуши́тельно произне́с Грифо́н. — А ты зна́ешь, чем скрипачи́ натира́ют смычки́?

— Кани...те́лью, ка́жется, — сказа́ла Алиса без о́собой уве́ренности.

Ну, тут уж путает сама́ Алиса — смычки́ натира́ют канифо́лью, а не каните́лью, за это́ я ручаю́сь!

— Может быть, у вас и так... а у нас безо всякой канители смывки мажут просто мёдом, — заявил Грифён. — Поэтому скрипки и поют так сладко!

— Откуда же вы в море берёте мёд? — удивилась Алиса.

— А на что у нас, по-твоему, медузы? — с раздражением сказал Грифён. — Странные вопросы ты задаёшь! Любый малёк больше тебя знает!

— Нет, вот если бы я была сардинкой, — сказала Алиса, решив вернуться к прежней, менее рискованной теме, — я бы ни за что не позволила Морскому Коньку наступать мне на хвост. Я бы его прогнала — и всё!

— Да что ты говоришь, девочка, — неожиданно вмешался Деликатёс. — Ни одна рыба добровольно не расстанется с Коньком!

— Почему это? — очень удивлённо спросила Алиса.

— Потому! — сказал Деликатёс. — Потому что никто не может обойтись без своего любимого конька!

— Правда? — по-прежнему не понимала Алиса.

— Конечно! Ведь без него будет очень скучно жить на свете! — сказал Деликатёс. — У тебя есть свой конёк?

— Нет, но у меня есть кошка, — сказала Алиса. — Её зовут...

— Прекрасно! — обрадовался Грифён. — Давно пора тебе рассказать нам о себе и о своих приключениях! А то мы тебе, можно сказать, выложили всю подноготную, а ты от нас всё скрываешь!

— Я с удовольствием расскажу вам о себе, — начала Алиса робко, — но только про то, что было сегодня. А про то, что было раньше, и рассказывать не стоит — я тогда была ещё не такая!

— Что ты хочешь этим сказать? Объясни! — потребовал Деликатёс.

— Нет, нет, не надо! — прервал его Грифён испуганно. — Давай сначала приключения! А то объяснениям конца не будет, я уж это знаю, учёный, слава богу!

И вот Алиса принялась рассказывать обо всём, что с ней

приключилось с тех пор, как она впервые увидела Белого Кролика.

Сначала она чуточку робела — уж очень близко к ней подсели оба чудища и уж очень широко они разинули глаза, а главное, рты; но постепенно она увлеклась своим рассказом и совершенно перестала бояться.

Слушали они её, надо отдать им справедливость, затаив дыхание, и только когда она добралась до того места, где

читала Синему Червяку «Вечер был, сверкали звёзды» и перепутала все стихи, Деликатёс шумно вздохнул и сказал:

— Да, это очень странно!

— Очень близко к дальше ехать некуда! — сказал и Грифён.

— Все стихи шиворот-навыворот! — задумчиво произнёс Деликатёс. — Любопытно было бы послушать ещё что-нибудь в этом роде. Вели ей прочесть, любезный друг! — обратился он к Грифёну, словно был уверен, что тот имеет полное право приказывать Алисе.

— Вот что: встань и продекламируй: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят!» — распорядился Грифён.

«Ой, они меня прямо затыркали! — подумала Алиса. — Каждый распоряжается, каждый вызывает отвечать уроки! Хуже, чем в школе! Честное слово!»

Тем не менее она послушно встала и начала читать.

Вот только в голове у неё всё ещё звучала Раковая Кадриль, и потому образовалась такая каша из Раков, Улиток и прочего, что бедняжка сама плохо понимала, что говорит, и стихи получились опять ни на что не похожие:

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
Говорил Варёный Рак. —
Что бы там ни говорили,
Поступайте только так!
Утверждаю это смело:
Если хочешь долго жить,
Должен ты люббе дело
Первым делом отложить!

Черепях (да и Улиток)
Я прошу иметь в виду —
Тот из нас, кто слишком приток,
Первым попадёт в беду!

Где дурак устроит гонку,
Там разумный наш собрат
Или отойдёт в сторонку,
Или пьётся назад!

Вот и я — засуетился
И попал в рыбацью сеть...
Суетился, кипятился —
И приходится краснеть,
Потому что в этой спешке
Я сварился кое-как...
Поделом терплю насмешки! —
Говорил Варёный Рак.

«Завтра, завтра, не сегодня!»
Хорошо сказал поэт!
Лишь бы вы не забывали
Этот правильный совет!
Может, спорить кто посмеет?
Только где уж вам, мальки!
Кто из вас, как я, сумеет
Носом вывернуть носки?!

— Да-а, это совсем не похоже на то, что я учил, когда я был дитятею! — сказал Грифён.

— Я лично вообще впервые слышу подобную чушь, — сказал Деликатёс. — Тут у меня нет никаких сомнений! Алиса молчала; она села, закрыла лицо руками и в отчаянии думала: неужели никогда не вернётся нормальная жизнь?..

— Весьма желательно, чтобы она нам всё это объяснила и растолковала! — сказал Рыбный Деликатёс.

— Да что ты, что ты! Она не сумеет! — опять всполошился Грифён. — Пусть лучше ещё что-нибудь прочтает!

— Нет, любезный друг, пусть объяснит хотя бы про нос и про носки! — не уступал Деликатёс. — Откуда у Рака взялся нос? И тем более носки! И как в таких условиях он может носом вывернуть носки?

— Да это не те носки, — беспомощно пролепетала Алиса. Объяснить было ей довольно трудно, потому что она сама

абсолютно ничего не понимала. — Это, наверно, — как когда танцуют, выворачивают носки по первой позиции!

Бедняжка была в полной растерянности.

Грифон, видимо, сжалился над ней.

— Ладно, возьмём что-нибудь попроще, — великодушно предложил он. — Ну хоть про Козлика сможешь прочесть?

Алиса, хотя и не сомневалась, что опять ничего хорошего не выйдет, не посмела отказаться и дрожащим голосом начала:

Математик и Козлик

Делили пирог.

Козлик скромно сказал:

— Раздели его вдоль!

— Тривиально! — сказал Математик. —

Позволь,

Я уж лучше

Его разделю поперёк! —

Первым он ухватил

Первый кус пирога

Но не плачьте,

Был тут же наказан порок:

«Пи» досталось ему

(А какой в этом прок?!),

А Козлёнку...

Козлёнку достались

Рога!

— Слушай, дитя, какой смысл произносить всю эту чепуху, — проворчал Рыбный Деликатес, — если ты даже ничего не можешь толком объяснить? Это что-то неслыханное!

— Да, тяжёлый случай, — поддержал друга Грифон. — Лучше прекратим!

И Алиса, надо сказать, очень обрадовалась.

— Не пройти ли нам вторую фигуру Раковой Кадрили? — предложил Грифон. — Или ты, может быть, предпочитаешь, чтобы Деликатес спел тебе ещё песенку?

— Да, песенку, конечно, песенку! Дяденька Деликатес, будьте так добры! — закричала Алиса с таким энтузиазмом, что Грифон даже немного обиделся.

— Гм! Ну что ж, как угодно, — проворчал он. — О вкусах не спорят! Спой ей «РЫБАЦКУЮ УХУ», старик!

Рыбный Деликатес испустил тяжёлый вздох и голосом, прерывающимся от рыданий, запёл:

Чудо-Уха! Что сравнится с ней!
Что ароматней, вкусней, сытней?
Люди простят вам любые грехи
Ради тарелки рыбацкой ухи —
Деликатесной ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Деликате-е-есной,

Дивной рыбацкой

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Мясо и дичь — всё чепуха!
Радует душу только Уха!
Кто не отдаст всё на свете за две ложки ухи, тот, конечно, не ел
Дивной рыбацкой ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

Деликате-е-есной,

Дивной рыбацкой

Ах-Ох-Ух-и-и-и!

Ах-Ох-Ухи!

— Припёв два раза! — крикнул Грифён, и Деликатёс начал было повторять припёв, как вдруг издали донёсся крик:

— Суд идёт!

— Бежим! — завопил Грифён и, схватив Алису за руку, помчался со всех ног, не дожидаясь окончания песни.

— Какой суд? — спросила Алиса, задыхаясь от бега.

Но Грифён только повторил: «Бежим!» — и помчался ещё быстрее, и лишь лёгкий морской ветерок приносил к ним замиравшие в отдалении душераздирающие слова:

Ах! Ох! Ух! И! И! И!

Ах! Ох! Ух!

Глава
одиннадцатая,
в которой

Когда Алиса с Грифёном прибежали, Король и Королева уже сидели на троне, а кругом собралась огромная толпа: пичужки, зверюшки всех видов и пород, не говоря уже о картах всех мастей. Перед судейским тронном стоял в цепях под охраной двух солдат — один справа, другой слева — Чёрвонный Валёт.

По правую руку от Короля находился Белый Кролик, с трубкой в одной лапке и пергаментным свитком в другой.

Между прочим, в Англии судьи и до сих пор носят парик, хотя лягушки, караси и лакти уже давно их не носят (а может быть, и никогда не носили). Спросите, зачем носят? По-моему, для важности.

А в самом центре судебного зала стоял стол, а на нём красовалось большое блюдо с пирожками, и вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли. «Хорошо бы, суд уже кончился и позвали к столу!» — подумала она.

Но так как, судя по всему, до этого было ещё очень далеко, она, чтобы скоротать время, стала рассматривать всё окружающее.

Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут всё — или почти всё — называется.

«Вот это судья, — сказала она про себя. — Кто в большом парике, тот и судья».

Судьей, кстати, был сам Король, и так как на парик ему пришлось надеть корону (посмотрите на картинку на странице 142, если хотите узнать, как он с этим справился), он очень стеснялся — такой наряд был ему явно не лицу.

«А вот эти двенадцать тварюшек (она не могла найти другого слова — ведь там были и птички и зверьки) — это, наверное, присяжные... нет, присяжные!»

Алиса не без гордости раза два-три повторила это слово. «Вряд ли много найдётся девочек в моём воз-

расте, а то и старше, — подумала она, — которые слышали такое слово и знают, что оно значит».

Пожалуй, она была права, хотя слово «заседатели» было бы ничуть не хуже.

Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении («Это скамья присяжных», — подумала Алиса). У всех у них были грифельные доски, и все они что-то деловито записывали.

— Что это они? — шепнула Алиса Грифону. — Записывать-то нечего, суд ещё не начался!

— Они записывают свои имена, — тоже шепотом ответил Грифон, — боясь забыть, как их зовут, пока процесс кончится.

— Вот дураки-то! — начала было Алиса громко выражать своё возмущение, но тут же осеклась — Белый Кролик закричал:

— Соблюдать тишину в зале заседания!

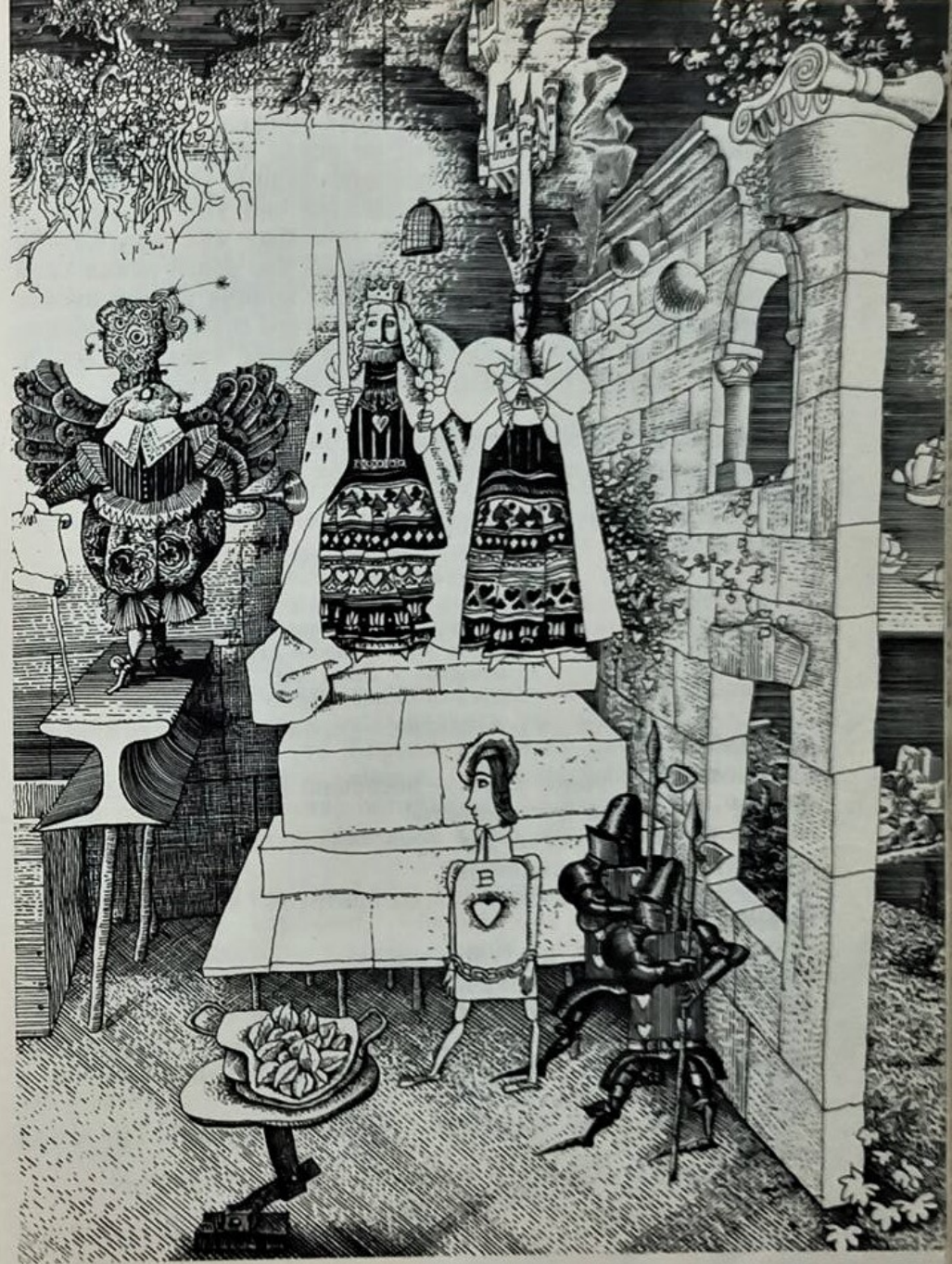
А Король надел очки и обвёл зал настороженным взглядом, разыскивая нарушителя тишины.

Присяжные (Алиса прекрасно это видела) принялись записывать на своих досках: «Вот дураки-то»; она даже заметила, что один из них не знал, как пишется слово «дураки», и попросил соседа подсказать.

«Да уж, они там понапишут, — подумала Алиса, — могу себе представить!»

Если вы не будете читать присяжных (заседателей) и пристяжных (лошадей), у вас будет не меньше оснований гордиться собой, чем у Алисы. Даже больше: ведь сейчас гораздо реже, чем сто лет назад, встречаются и те и другие.

На беду, у когó-то из присяжных грифель всё время отчаянно скрипел. Алиса, понятно, не могла этого вынести; она обогнула зал, подошла к присяжным сзади и, улучив момент, выхватила у него грифель. Прodelала она это так ловко и быстро, что бедняга присяжный (это был как раз Тритон Билль) даже не понял, что произошло. Он долго искал свой грифель, но так и не нашёл и в конце концов решил писать просто пальцем. Правда, пользы от этого было не особенно много, так как палец не оставлял на доске никаких следов.

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнёс Король.

Белый Кролик выступил вперёд, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать:

Эне, бене, рес —
Квинтер, финтер, жес!
Эне, бене, раба —
Квинтер, финтер, жаба!
Все пришли к Червонной Даме
Выпить чаю с пирожками.
Пирожков у Дамы нет:
Пирожки стащил Валет!

— Удаляйтесь на совещание! — приказал Король присяжным.

— Что вы, рано, рано! — поспешно вмешался Кролик. — У нас ещё целая куча работы!

— Ну что ж, куча так куча, — уныло сказал Король. — Вызвать первого свидетеля!

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Вызывается первый свидетель!

Первый свидетель оказался Шляпой. Он явился с чашкой чаю в одной руке и бутербродом в другой.

— Прошу прощения, ваше величество, что я всё это привёз с собой, — сказал он, — но, когда за мной пришли, я ещё не кончил пить чай-с.

— Надо было кончить! — сказал Король. — Ты когда начал?

Шляпа оглянулся на Очумелого Зайца (тот, под руку с Соней, тоже притащился за ним в суд).

— Кажется, четырнадцатого марта-с. Вроде так-с, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Заяц.

— Шестнадцатого, — сказала Соня.

— Запишите это, — повелел Король присяжным, и они старательно записали все три даты на своих досках, потом сложили все числа, а сумму разделили между собой.

Тут Король спохватился.

— Снимите свою шляпу! — приказал он Шляпе.

— Она не моя-с! — ответил Шляпа.

— Краденая! — закричал Король, повернувшись к присяжным, которые немедленно принялись записывать и это.

— Я их ношу-с! Я Шляпный мастер!

Тут Королева надела очки и пристально посмотрела на Шляпу, который под её взглядом побледнел и стал корчиться, как жук на булавке.

— Свидетель, давайте показания, — сказал Король, — и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

Но, кажется, слова Короля не очень помогли бедному Шляпе справиться с волнением: он продолжал переминаться с ноги на ногу, опасливо поглядывая на Королеву, и с перепугу откусил даже порядочный кусок чашки вместо бутерброда.

Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сперва она никак не могла понять, в чём дело, но в конце концов догадалась: она опять начала расти! Она было хотела встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут поместиться.

— Перестань меня давить! — сказала ей Соня (они сидели рядом). — Мне уже дышать нечем.

— Не могу перестать! — виновато сказала Алиса. — Я расту!

— Не имеешь права тут расти! — сказала Соня.

— Что за глупости, — сказала Алиса уже не так виновато. — Ты ведь тоже растешь!

— Мало ли что! Я расту как все, прилично, — сказала Сônia. — А ты безобразничаешь!

Она встала с очень обиженным видом и ушла в самый дальний конец зала.

Королева всё это время не сводила сурового взгляда со Шляпы, и как раз, когда Сônia пересаживалась, она сказала кому-то из судейских чинов:

— Принесите-ка мне программу последнего концерта!

При этих словах злосчастный Шляпа так затрясся, что ботинки сами собой слетели у него с ног.

— Свидетель, давайте показания! — повторил Король гневно. — Иначе я велю вас казнить, можете не волноваться!

— Я человек маленький, ваше величество, — начал Шляпа. Голос его дрожал и прерывался. — И не успел я сесть выпить чайку, а масло — оно кусается, да и хлеб тоже, опять же крокодильчики, качая...

— Что качая? — с изумлением спросил Король.

— Начинается с чая, — сказал Шляпа. — Опять же...

— «Качая» кончается на «чая», а не начинается! — возмущился Король. — Вы меня за дурака принимаете? Продолжайте!

— Я человек маленький, — продолжал Шляпа, — и потом всё стало качаться, а Очумелый Заяц и говорит-с...

— Нё было этого! — немедленно перебил Заяц.

— Было-с, — сказал Шляпа.

— Отказываюсь! — сказал Заяц.

— Он отказывается от своих слов, — сказал Король. — Оставьте его в покое и идите дальше.

— Ну, во всяком случае, Сônia и говорит-с... — Тут Шляпа тревожно оглянулся на Сônia: не будет ли она отказываться от своих слов, но Сônia ни от чего не отказывалась — она спала как убитая.

— Дальше? Дальше, — продолжал Шляпа, — намазал я себе бутерброд-с...

— А что же Сônia сказала? — спросил кто-то из присяжных.

— Того не упомню-с! — сказал Шляпа.

— Обязаны упоминать, — заметил Король, — иначе будете казнены!

Бедняга свидетель выронил чашку, бутерброд и сам упал — упал на колени.

— Я человек маленький, ваше величество-с, — опять начал он.

— Сам вижу, что не великий... не великий мастер говорить! — сказал Король.

Тут какая-то Морская Свинка заплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами.

(Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на веревке опустили мешок за окно, немного подергали веревку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается, — подумала Алиса, — а то в газетах часто пишут: «выдворили из пределов», а я до сих пор не понимала, что это значит!»

— Свидетель, — строго сказал Король, — если вы на этом закончили показания, можете сесть!

— Спасибо, мы стоим, — сказал Шляпа. — За что же это меня сажать? Я не виноват-с.

— Не хотите сидеть, можете прилечь! — сказал Король.

Тут вторая Морская Свинка заплодировала и тоже была выдворена. «Ура, больше ни одной не осталось! Без морских свинок дело пойдет веселей!» — подумала Алиса.

— Я бы лучше пошел выпить чайку-с, — сказал Шляпа, с опаской глядя на Королеву, всё ещё читающую программу концерта.

— Можете идти! — сказал Король, и Шляпа кинулся прочь со всех ног, забыв даже надеть свой ботинок.

— А попутно отрубить ему голову! — распорядилась Королева, но Шляпы уже и след простыл, так что выполнить её приказание было затруднительно.

— Вызвать следующего свидетеля! — сказал Король.
Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была Повариха Герцогини. Она не выпускала из рук огромной перечницы, и об её приближении Алиса догадалась задолго до того, как Повариха вошла в зал, — так дружно принялись чихать все, кто сидел у входа.

— Давайте показания, — сказал Король.

— Не-а! — сказала Повариха.

Король растерянно поглядел на Белого Кролика, и тот, понизив голос, сказал:

— Надо подвергнуть её допросу с пристрастием, ваше величество.

— Ну что ж, надо так надо, — сказал Король без особого энтузиазма. Он скрестил руки на груди, так страшно нахмурился, что глаза его превратились в черточки, и сказал **СТРАШНЫМ ЗАГРОБНЫМ ГОЛОСОМ:**

— Из чего делают пирожки?

— Всё больше из перца, — сказала Повариха.

— Из мар-ма-ла-да, — произнёс чей-то сонный голос.

— На цепь эту Соню! Придушить эту Соню! Отрубить Соне голову! Выдворить Соню! Ущипнуть её! Оторвать ей хвост! — завершала Королева.

Несколько минут в судебном зале царяла ужасная суматоха — все пытались поймать и выдворить Соню. А когда кутерма кончилась, Повариха уже исчезла.

— И слава богу, — сказал Король, вздохнув с большим облегчением. Он вполголоса добавил, обернувшись к Королеве: — Я тебя очень прошу, дорогая, следующего свидетеля допрашивай с пристрастием ты! У меня вся кожа на лице заболела!

Алиса с любопытством следила, как Белый Кролик копается в своих бумажках, — ей было очень интересно, кого же ещё могут вызвать свидетелем. «Пока что у них никаких улик нет», — думала она.

Представьте же себе, как она удивилась, когда Белый Кролик во весь свой пискливый голосишко возгласил:

— Алиса!

Глава
двенадцатая,
в которой

— Я-а! — крикнула Алиса и вскочила с места.
Второпях она совершенно забыла, как сильно за последнее время выросла, и, вскакивая, зацепила краем юбки скамью присяжных. Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками на головы публики. Они беспомощно бились на полу, и Алиса вдруг живо вспомнила, как

бились на полу золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула несколько дней назад.

— Ох, простите, пожалуйста! — с искренним огорчением крикнула она, поспешно усаживая присяжных на места. Алиса безумно торопилась, так как случай с золотыми рыбками не шёл у неё из головы и ей почему-то казалось, что если присяжных не посадить на место как можно скорее, то они тоже могут погибнуть.

— Судоговорение не может продолжаться, — сказал Король строго, — пока все присяжные не будут, как подобает, водворены на место. ВСЕ! — повторил он, сурово глядя на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжных и обнаружила, что впопыхах она так и сунула Тритона Билля на скамью вверх тормашками, и бедняга, не в силах перевернуться, только меланхолически помахивал хвостиком. Она поскорее схватила его и посадила как следует, хотя и подумала про себя:

«Какое это имеет значение? По-моему, что так, что так — пользы тут от него столько же!»

И действительно, когда все присяжные пришли в себя и, получив обратно свои письменные принадлежности, принялись деловито писать отчёт о недавнем происшествии, бедняга Билль продолжал сидеть без движения, разинув рот и глядя в потолок.

— Что вам известно, свидетельница, по данному делу? — обратился Король к Алисе.

— Ничего, — сказала Алиса.

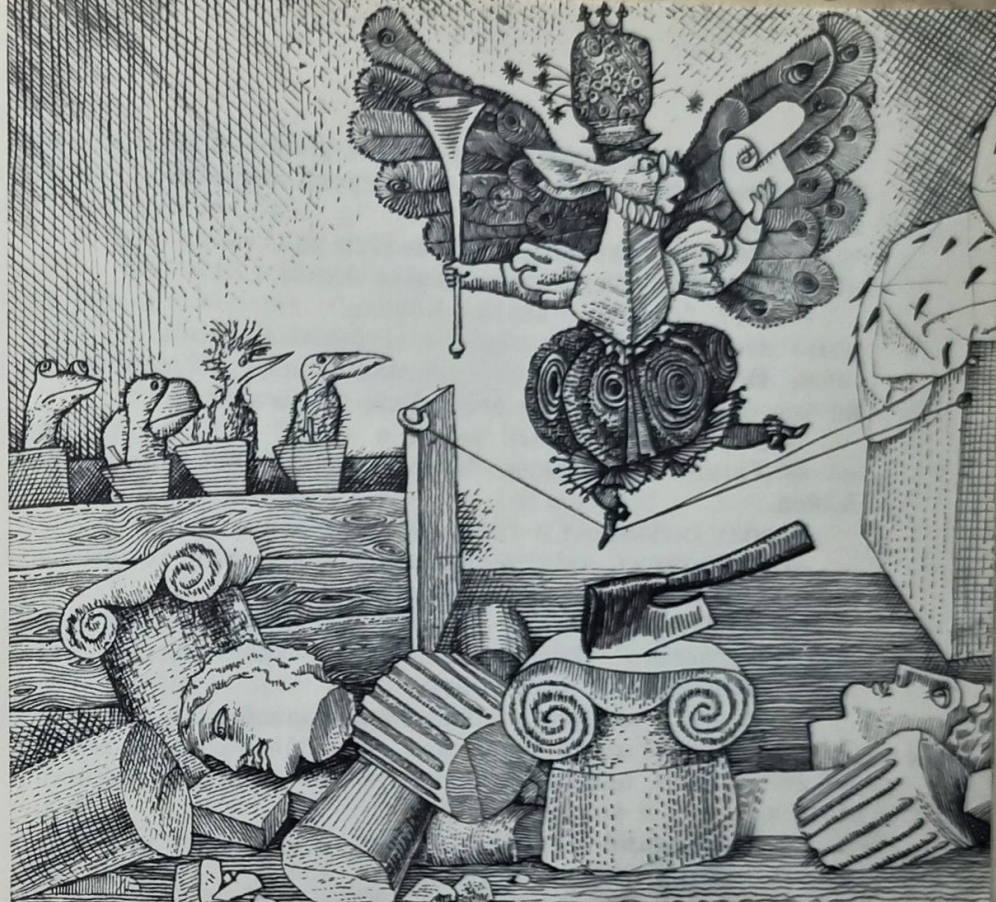
— И ничего больше? — спросил Король.

— И больше ничего, — ответила Алиса.

— Это чрезвычайно важно! — сказал Король, глядя на присяжных.

Они было уже принялись записывать эти слова на своих досках, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше величество желали, несомненно, сказать НЕважно, — произнёс он весьма почтительно, хотя грозно нахмурился и сделал Королю страшную гримасу!

— Да, да, я хотел сказать НЕважно, — торопливо поправился Король. — НЕважно. Важно, неважно, важно, неважно... — забормотал он вполголоса, словно проверяя, какое слово лучше звучит.

В результате одни присяжные записали «Важно», другие — «Неважно». Алиса прекрасно это видела. «А в общем, тут всё неважно!» — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то поспешно писал в своей памятной книге, крикнул:

— Тишина! «Закон номер Сорок Два! — громко прочёл он. — Всем лицам ростом больше версты надлежит покинуть зал суда».

И все присутствующие устали на Алису.

— Я меньше версты! — сказала Алиса.

— Нет, больше! — сказал Король.

— Не меньше двух вёрст! — встала Королева.

— Всё равно не уйду! — сказала Алиса. — И вообще это не настоящий закон! Вы его сейчас выдумали!

— Это самый старый закон в книге! — сказал Король.

— Тогда он должен быть Номер Первый! — сказала Алиса.

Король поблел и торопливо захлопнул книгу.

— Удаляйтесь на совещание! — еле-еле смог он выговорить, с испугом глядя на присяжных.

— Ваше величество! — крикнул Белый Кролик, поспешно вскочив с места. — Обнаружены новые доказательства! Только что найдена вот эта бумага.

— И что в ней есть? — спросила Королева.

— Я её ещё не разворачивал, — сказал Белый Кролик, — но есть... есть предположение, что это письмо от обвиняемого к... к... к кому-то!

— Раз письмо — значит, к кому-то, — сказал Король, — писать никому пока не в обычае!

— А кому оно адресовано? — заинтересовался кто-то из присяжных.

— Никому, — сказал Кролик. — Я хочу сказать, снаружи ничего не написано, — торопливо поправился он, развернул бумажку и добавил: — Ну конечно! Это даже и не письмо — это просто стишки!

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— В том-то и дело, что нет, — сказал Белый Кролик, — и это особенно подозрительно!

Присяжные растерянно хлопнули глазами.

— Выходит, он подделал чей-то почерк? — сказал Король.

Присяжные успокоились и просветлели.

— Ваше величество! — неожиданно заговорил Валет. — Я этого не писал и никто не докажет, что я это писал: там нет никакой подписи.

— Тем хуже для вас, если подписи нет, — сказал Король. — Не будь у вас на уме злодеяния, вы бы подписались как честный человек!

И тут все хлопнули, и не зря: действительно, это были первые умные слова, какие Король произнёс за весь день.

— Итак, вина его доказана, — начала Королева, — и пора уже отру...

— Ничего тут не доказано! — перебила Алиса. — Да вы что? Вы даже не знаете, про что эти стишки!

— Огласи их, — сказал Король.

Белый Кролик напялил на нос очки.

— С чего начинать, ваше величество? — спросил он.

— Начни с начала, — торжественно произнёс Король, — и продолжай, пока не дойдёшь до конца. Тогда остановись!

В судебном зале воцарилась мёртвая тишина, и Белый Кролик прочитал вслух следующие строки:

Ни он, ни я, ни мы, ни вы
Не ведали беды,
Но он поверил ей, увя,
Что я боюсь воды!

Меня пытались не мытьём,
Так катаньем донять.
Они — вдвоём, а мы — втроём
А дважды два — не пять!

Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!
Она ему — оно!
Хотя они — он знает сам! —
Вернулись к ней давно!

«Ты измываться им не дашь!» —
Он сам так утверждал!
И что ж? Она же входит в раж,
Подняв такой скандал!

И лучшие умы страны
Гадают до сих пор:
Они ли, мы ли, вы ль должны
Смыть кровью свой позор!

Во имя нашей чистоты
Пусть не знает свет:
НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ — МЫ — ТЫ —
ОНИ С НЕИ
Или нет?

— Это самое важное доказательство вины подсудимого, — сказал Король, удовлетворённо потирая руки. — Оно перевешивает все остальные улики, так что пусть присяжные удалят...

— Да это же просто чепуха! — крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля). — Я отдам наперсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот стóлечко смысла!

Присяжные в полном составе записали на своих досках: «Тут нет ни на вот стóлечко смысла», но никто из них не рискнул попробовать объяснить стихи.

— Ну что ж, если тут нет смысла, — сказал Король, — тогда у нас горя с плеч: нам незачем пытаться его найти! Сэкономим кучу работы! И всё же, — продолжал он, расправив бумажку у себя на коленях и мельком взглянув на неё, — мне кажется... мне кажется, что я усматриваю тут некий смысл, что ни говорите... «Повёрил ей, увьи, что я боюсь воды!» — прочитал он и обернулся к Червонному Валету. — Обвиняемый, вы бойтесь воды?

Валёт печально кивнул.

— Разве по мне не видно? — сказал он.

(И действительно, это было сразу видно — ведь он был из тонкого картона, как и все карты.)

— Так-с, отлично, — сказал Король. Он продолжал бормотать вполголоса строки стихотворения: — Ммм... «Пусть лучшие умы страны...» — это, конечно, присяжные. Ммм...

«Она ему — оно...» — ну, это, несомненно, о Королеве... Ммм... «Меня пытались не мытьём, так катаньем донять» — это ясно без слов... Ммм... «Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!» Тут нет никаких сомнений — вот что случилось с пирожками!

— А дальше, дальше, — закричала Алиса, — там же сказано: «Они вернулись к ней давно!»

— А как же, вот они! — ликую, крикнул Король, царственным жестом указав на блюдо с пирожками — это поистине

ОЧЕВИДНО! Мммм... Дальше: «И что ж? Она же входит в раж...» Вот это странно! Ты разве когда-нибудь входила в раж, дүшечка? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — бешено крикнула Королева и запустила чернильницей в скамью присяжных.

Чернильница угодила в Билля-Тритона, и несчастный маленький Билль (он давно оставил свои бесплодные попытки писать пальцем на грифельной доске) тут снова судорожно принялся писать, макая палец в чернила, которые потекли по его лицу.

— Ты могла бы сказать ещё лучше — НИ РАЖУ! — с улыбкой произнёс Король и самодовольно оглядел публику.

Ответом была гробовая тишина.

— Это каламбур! — крикнул Король сердито. — Остроумная шутка!

Тут все захохотали.

— Удаляйтесь на совещание! — сказал Король, вероятно, в двадцатый раз за день.

— Ничего там! — сказала Королева. — Сперва приговор, совещаются потом!

— Как не стыдно! — во весь голос заявила Алиса. — Стыдно даже болтать такие глупости!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея от ярости.

— Как же! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — завопила Королева во всю глотку.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса (она уже достигла своего настоящего роста). — Вы просто несчастные карты — и всё!

И при этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо; Алиса вскрикнула — полуиспуганно, полусердито, — стала от них отбиваться... и вдруг оказалось, что она лежит на берегу, положив голову сестре на колени, а та осторожно смывает с её личика сухие листья, слетевшие с соседнего дерева.

— Просыпайся, дорогая, — сказала сестра. — Что-то ты очень разоспалась!

— Ой, а какой я забавный сон видела! — сказала Алиса.

И она принялась рассказывать сестре всё, что сумела запомнить, про свои странные приключения — то есть всё то, что вы только что прочитали. А когда она кончила, сестра поцеловала её и сказала:

— Сон был и правда очень занятный, а сейчас беги пить чай, а то опоздаешь.

Алиса послушно вскочила и побежала домой, но и по дороге она всё думала, какой же это был чудесный сон — сон, который, наверно, никогда не забудешь...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава никакая,	<i>из которой тем не менее можно кое-что узнать...</i>	3
Глава первая,	<i>в которой Алиса чуть не провалилась сквозь землю...</i>	11
Глава вторая,	<i>в которой Алиса купается в слезах...</i>	21
Глава третья,	<i>в которой происходит Кросс по Инстанции и история с хвостиком...</i>	31
Глава четвертая,	<i>в которой Тритон Билль вылетает в трубу...</i>	43
Глава пятая,	<i>в которой Червяк даёт полезные советы...</i>	58

Глава шестая,	<i>в которой встречаются поросянок и перец...</i>	67
Глава седьмая,	<i>в которой пьют чай как ненормальные...</i>	83
Глава восьмая,	<i>в которой играют в крокет у Королевы...</i>	86
Глава девятая,	<i>в которой рассказана история Деликатеса...</i>	111
Глава десятая,	<i>в которой танцуют Раковую Кадриль...</i>	125
Глава одиннадцатая,	<i>в которой выясняется, кто стащил пирожки...</i>	139
Глава двенадцатая,	<i>в которой Алиса свідетельствует...</i>	149

Для восьмилетней и средней школы

Льюис Кэрролл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

ИБ № 1377

Ответственный редактор

М. М. Сальникова

Художественный редактор

А. Б. Сапрыгина

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректоры

**Л. М. Агафонова
и Л. М. Короткина**

Сдано в набор 8/X 1976 г. Подписано к печати 20/III 1977 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. офс. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 9,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 277. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Кэрролл Л.

К 98 Приключения Алисы в Стране Чудес. Сказка. Пересказ с англ. Б. Заходера. Изд. 3-е. Ил. Г. Калининского. М., «Дет. лит.», 1977.

159 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусск. школ).

Это одна из самых прославленных английских книг для детей. Сказочное путешествие Алисы — это путешествие по Англии прошлого века.

70803—297

К-----467—77

M101(03) 77

И (Англ)

